

ДА ЭТО ЖЕ ВОЛШЕБСТВО!

СЕРЕБРЯНАЯ СТРЕЛА

ЛЕВ ГРОССМАН

Annotation

На день рождения Кейт получила... огромный паровоз «Серебряная Стрела»! Девочка так хотела, чтобы в её обычной жизни появились приключения, но работать вместе с братом кондукторами в волшебном поезде – вот это высший класс! И вскоре «Стрела» отправляется в путь. Ребятам предстоит помогать пассажирам (семейству оленей, например) и строго следить за тем, чтобы огонь в топке никогда не погас. Иначе... Что произойдёт? И где же другой волшебный поезд, «Вечерняя Звезда», бесследно пропавший много лет назад?.. Кейт понимает, что должна разгадать загадку волшебных поездов, иначе все пассажиры будут в опасности!

- [Лев Гроссман](#)
 -
 -
 - [Глава 1. Дядя Герберт – плохой человек](#)
 - [Глава 2. Дядя Герберт не стремится исправиться](#)
 - [Глава 3. Кейт наговорила ещё много всего](#)
 - [Глава 4. Что было дальше](#)
 - [Глава 5. Всё очень странно](#)
 - [Глава 6. Клац-клац!](#)
 - [Глава 7. На сортировочной станции](#)
 - [Глава 8. Предъявите билеты!](#)
 - [Глава 9. Дикобраз против птички: кто кого?](#)
 - [Глава 10. Библиотечный вагон](#)
 - [Глава 11. Малыш, похожий на сосновую шишку](#)
 - [Глава 12. Кейт выясняет, что происходит](#)
 - [Глава 13. Станция, которой не было](#)
 - [Глава 14. Том был прав](#)
 - [Глава 15. Боковая ветка](#)
 - [Глава 16. Деревья](#)
 - [Глава 17. Он думал, что сможет](#)
 - [Глава 18. Остров Уайз](#)
 - [Глава 19. Вечерняя звезда](#)
 - [Глава 20. Подбородки](#)

- [Глава 21. Что смогла сделать Кейт](#)
 - [Глава 22. Станция в небе](#)
 - [Глава 23. Никогда](#)
 - [Глава 24. Путь домой](#)
 - [Глава 25. Депо](#)
 - [Глава 26. Это только начало](#)
 - [Об авторе](#)
-

Лев Гроссман

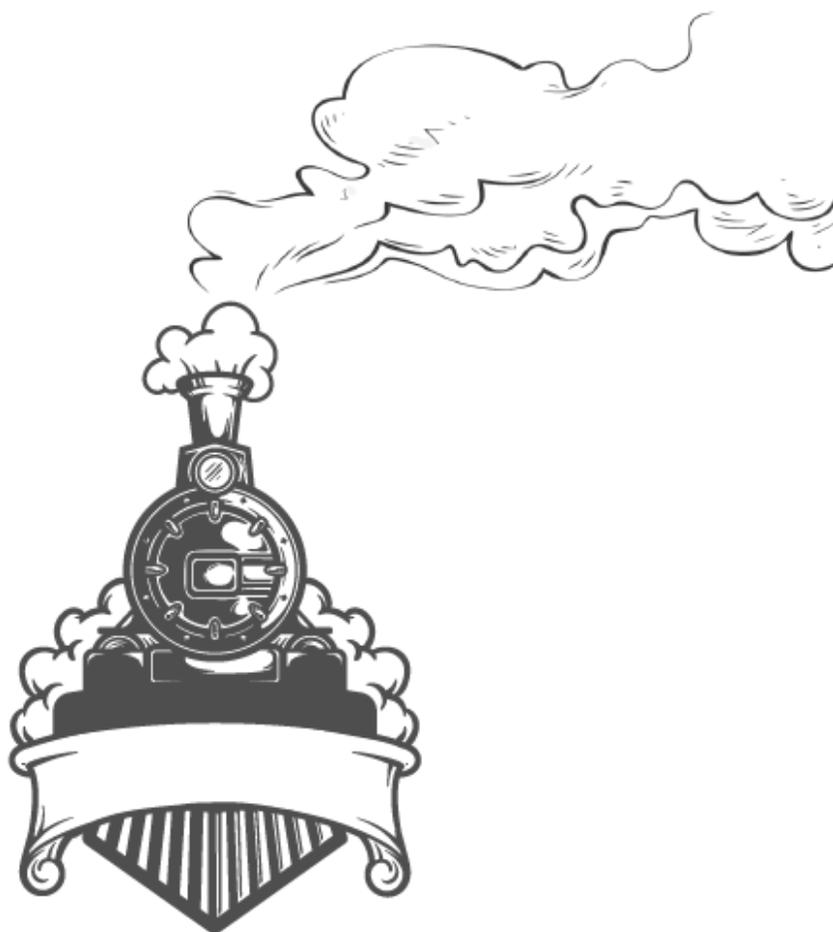
Серебряная Стрела

Лили, Хэлли и Базу

Lev Grossman
THE SILVER ARROW
Copyright © 2020 by Cozy Horse Limited
All rights reserved.

© Покидаева Т.Ю., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Глава 1. Дядя Герберт – плохой человек

Кейт знала только две вещи о своём дяде Герберте: он человек очень богатый и совершенно безответственный.

Вот и всё. Вы скажете, так не бывает – всё-таки он её дядя, – но дело в том, что она никогда с ним не встречалась. Ни разу не видела даже на фотографии. Он был маминым братом, но они с мамой не очень-то ладили.

Это странно, если подумать. В смысле, у Кейт тоже был младший брат, Том, совершенно ужасный, несносный мальчишка, но она даже представить себе не могла, что они с Томом вообще никогда не общаются. Но, похоже, у взрослых такое бывает.

Дядя Герберт никогда не приезжал в гости. Никогда не звонил. Где он живёт? Чем занимается целыми днями? В воображении Кейт он занимался именно тем, чем, по её представлениям, занимаются все богачи: путешествует на далёкие острова, заводит редких экзотических питомцев и... я даже не знаю... покупает огромный пряничный домик и съедает его в одиночку. Она сама именно так бы и делала.

В общем, всё было странно и очень загадочно. Единственное, что доподлинно знали родители Кейт: дядя Герберт был жутко ленивым и имел много денег при полном отсутствии чувства ответственности. Кейт не понимала, как он сумел разбогатеть, будучи столь безответственным и ленивым, но взрослые никогда не объясняют подобные противоречия. Они сразу же переводят разговор на другое.

Это вовсе не значит, что у Кейт были плохие родители. Они были вполне неплохими. Просто родительский долг, видимо, не стоял первым пунктом их жизненных приоритетов. Они уходили на работу рано утром, возвращались домой поздно вечером, и даже когда были дома, постоянно тарасились в свои компьютеры и смартфоны и делали такие специальные серьёзные лица из серии «не мешай, мы работаем». В отличие от дяди Герберта, они много работали, не ленились и были очень ответственными людьми, но почему-то не богатели.

Наверное, поэтому их так бесил дядя Герберт.

В любом случае, у них почти никогда не было времени на Кейт.

Зато у Кейт было много времени на себя. Иногда даже *слишком* много. Она каталась на велосипеде, играла в видеоигры, делала уроки,

гуляла с подружками и изредка даже играла с Томом. В отличие от многих ребят из их класса, у Кейт не было никаких особых талантов – она не умела рисовать, не умела жонглировать, не умела распознавать съедобные и ядовитые грибы, – хотя ей хотелось всё это уметь. Она много читала; ей часто делали замечания, что не надо читать за столом. Родители записали её на занятия по фортепиано и теннису. (Тома записали на скрипку и хапкидо.) Однако бывали такие дни, когда Кейт стучала по клавишам пианино в гостиной или лупила мячом по двери гаража, отрабатывая удары слева и справа, и вдруг ощущала какое-то странное беспокойство. И даже досаду. Какой смысл в этих занятиях? Всё какое-то детское, всё как бы понарошку... Она, конечно, ещё ребёнок, но уже достаточно взрослый ребёнок, чтобы ей хотелось не только игр и притворяшек. Ей хотелось чего-то волнующего. Настоящего. Действительно важного.

Но ничего такого в её жизни не было. Только игрушки и компьютерные игры, теннис и пианино. В книгах жизнь всегда интереснее, чем на самом деле. В реальности ничего по-настоящему интересного не происходит. И, в отличие от книг, в реальной жизни не перескочишь через скучные куски.

Наверное, поэтому вечером накануне своего одиннадцатого дня рождения Кейт села за стол и написала письмо дяде Герберту. Письмо получилось коротким:

*Дорогой дядя Герберт,
Мы незнакомы, но я Ваша племянница Кейт, и завтра у
меня день рождения, и раз уж Вы очень богаты, не могли бы
Вы, пожалуйста, прислать мне подарок?
С приветом,*

Кейт

Она перечитала написанное и сама поняла, что это явно не лучшее из всех писем за всю историю человечества, и она не была на сто процентов уверена, что поставила слово «пожалуйста» в правильном месте. Но письмо было написано искренне, а их учительница литературы всегда говорила, что искренность в тексте очень важна. Так что Кейт всё же бросила письмо в почтовый ящик. Всё равно оно вряд

ли дошло бы до адресата, потому что на конверте не было адреса. Кейт не знала, где живёт дядя Герберт. К тому же у неё даже не было марки.

И каково же было её удивление, когда утром прибыл подарок от дяди Герберта. Это был паровоз.

Кейт не то чтобы очень хотела именно паровоз. Она вообще мало интересовалась паровозами и поездами, всё-таки это больше мальчишеские увлечения. Кейт нравились книги, и «Лего», и «Вэнималс», – компьютерная игра с милыми персонажами-зверятами, от которых пищали все её одноклассницы, и Кейт в том числе, хотя она сама толком не понимала, что в них такого хорошего.

Но она же не написала, какой именно подарок ей хочется получить, а у дяди Герберта, видимо, не было опыта общения с детьми. Так что вот. Кейт постаралась отнестись к произошедшему философски.

Её больше всего удивили размеры подарка. Паровоз был огромным. Действительно *огромным*. По почте такой не пошлешь. Его привёз грузовик со специальной укрепленной платформой на двадцати восьми колёсах. Том их сосчитал. Паровоз был огромным, чёрным и невероятно сложным в устройстве. На самом деле он совсем не походил на игрушку. С виду это был самый настоящий паровоз в натуральную величину.

Дядя Герберт подтвердил, что он и есть настоящий.

Дядя Герберт приехал, чтобы лично вручить подарок. Прикатил на ярко-жёлтой «Тесле», такой обтекаемой и навороченной, что она напоминала одну из игрушечных спортивных машинок из коллекции Тома. Дядя Герберт был толстым, с редяющими каштановыми волосами и круглым добрым лицом. С виду – типичный учитель истории или кассир в парке аттракционов. Он был в синих кожаных туфлях, начищенных до зеркального блеска, и жёлтом костюме точно такого же оттенка, как его «Тесла».

Кейт с Томом выбежали во двор, чтобы рассмотреть паровоз поближе. У Кейт были прямые тёмные волосы длиной до подбородка и маленький, чуть заострённый нос, придававший ей сходство с капризной принцессой, хотя по характеру она была не капризной и совсем не стремилась в принцессы. Волосы Тома, светлые и коротко подстриженные, вечно торчали во все стороны, как шерсть у морской свинки, всклокоченной после сна, а нос у него был такой же, как у сестры, только Тому он придавал сходство с капризным принцем.

Кейт так удивилась, что даже не сразу нашлась что сказать.

– Какой большой поезд.

Это было не самое остроумное замечание, но ничего другого ей в голову не пришло.

– Это не целый поезд, – скромно проговорил дядя Герберт. – Только локомотив. Паровоз. И ещё тендер – вагон с запасом угля.

– А сколько он весит? – спросил Том.

– Ровно сто тонн, – отчеканил дядя Герберт.

– Прямо-таки ровно? – уточнила Кейт. – Ровно-ровно сто тонн?

– Ну... нет, – сказал дядя Герберт. – Он весит чуть больше ста двух тонн. Сто две целых и тридцать шесть сотых тонны. Ты правильно делаешь, что не доверяешь слишком круглым числам.

– Я так и подумала, – сказала Кейт, которая действительно не доверяла слишком уж круглым числам.

Невозможно представить истинные размеры настоящего паровоза, пока он не окажется во дворе прямо у вас перед домом. Паровоз, подаренный Кейт, был примерно четыре с половиной метра в высоту и пятнадцать метров в длину – огромный локомотив с головным прожектором, дымовой трубой, раструбом для гудка и кучей труб, поршней, вентилях и рычагов. Одни только колёса были почти вдвое выше Кейт.

Папа Кейт тоже вышел во двор. На самом деле, почти все соседи вышли на улицу подивиться на паровоз. Папа встал, уперев руки в бока.

– Герберт, – сказал он. – Что это за ерунда?

На самом деле он сказал не «ерунда», но слово, которое он произнёс, категорически не подходит для детской книжки.

– Это локомотив, – сказал дядя Герберт. – Паровоз.

– Я вижу, что паровоз. Но что он делает здесь, у меня во дворе?

– Это подарок для Кейт. И для Тома, наверное. Если Кейт с ним поделится. – Дядя Герберт обернулся к Кейт и Тому: – *Всегда надо делиться.*

Да, у него точно не было опыта общения с детьми.

– Это действительно щедрый подарок, – сказал папа, потирая подбородок. – Но нельзя было просто прислать ей игрушку?

– Это игрушка!

– Нет, Герберт, это не игрушка. Это настоящий паровоз.

– Ну да. Наверное, – легко согласился дядя Герберт. – Но если она собирается с ним играть, то формально это игрушка. Если подумать.

Папа и вправду задумался, что было большой тактической ошибкой. Кейт рассудила, что, наверное, ему стоило бы рассердиться и вызвать полицию.

Зато у мамы не было проблем с «рассердиться». Она пулей выскочила во двор с криком:

– Герберт, ты совсем головой повернулся? Что ты творишь?! Немедленно убери это чудище! Дети, слезайте с паровоза!

Эта последняя фраза была адресована Тому и Кейт, которые под шумок забрались на платформу грузовика и начали карабкаться вверх по боковой стене локомотива. Они не смогли устоять. Со всеми поршнями, трубами, рычагами и прочими штуками паровоз был в сто раз лучше любого скалодрома.

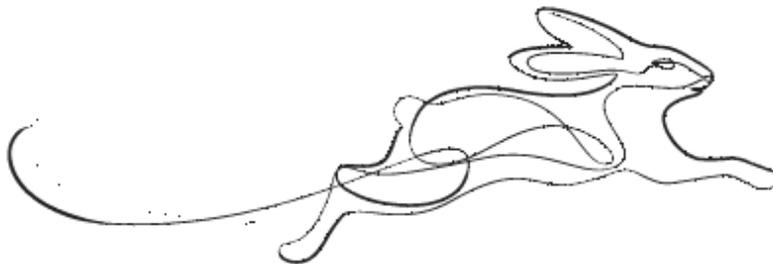
Ребята неохотно спустились и отошли на безопасное расстояние, но Кейт не могла отвести взгляда от паровоза – такого огромного, чёрного, замысловатого, с кучей деталей, наверняка предназначенных для интересной работы, и с уютной кабиной для машиниста. Он казался чарующим и зловещим, как спящий динозавр. И чем дольше Кейт на него смотрела, тем интереснее он становился.

И он был настоящим. Кейт вдруг показалось, что чего-то такого она и ждала, сама об этом не зная. Он ей вроде бы даже понравился.

На боку тендера было написано белыми заглавными буквами:

СЕРЕБРЯНАЯ СТРЕЛА

Так назывался её паровоз. Надпись была перечёркнута длинной стрелой, как бы пронзающей буквы.

Глава 2. Дядя Герберт не стремится исправиться

– Он даже не серебряный, – сказал папа. – Он чёрный. И что такое «серебряная стрела»? Что вообще делают с такими стрелами?

– Охотятся на оборотней, – сказала Кейт. – Это все знают.

– И где мы будем его хранить? – спросила мама.

– Я уже всё продумал, – сказал дядя Герберт. – Проложим рельсы на заднем дворе и поставим его туда.

– Проложим ре... На заднем дво... – Мама так рассердилась, что ей не хватало дыхания закончить фразы. – Герберт, ты точно рехнулся!

– Никаких рельсов на заднем дворе не будет, – заявил папа. – Я собирался сажать там цветы.

– Уже всё готово, – гордо проговорил дядя Герберт. – Я нанял рабочих, и они проложили рельсы сегодня ночью. Я специально распорядился, чтобы они поставили глушители на кувалды. Не хотел, чтобы вас разбудили.

Родители Кейт сердито уставились на дядю Герберта. А Кейт подумала, что для круглолицего толстячка в смешном жёлтом костюме её дядя проявил поразительную деловую хватку. Ей вдруг пришло в голову, что это был яркий пример применения на практике одного правила, которым всегда руководствовалась одна из её кумиров, Грейс Хоппер: лучше просить прощения, чем спрашивать разрешения.

Грейс Хоппер родилась больше века назад, в 1906 году. В те времена в мире царили предубеждения, и профессия компьютерного программиста считалась неженской, к тому же компьютеры тогда ещё даже не изобрели, но Грейс Хоппер всё равно стала компьютерным программистом и написала первую в мире программу-компилятор. Она умерла в возрасте восьмидесяти пяти лет, в звании контр-адмирала военно-морского флота.

В её честь назвали авианосец. Грейс Хоппер была для Кейт образцом для подражания.

Спустя два часа все пятеро: Кейт, Том, мама, папа и дядя Герберт – стояли на заднем дворе и смотрели на паровоз. Его уже переставили на рельсы, проложенные среди чахлой, выжженной солнцем травы. Паровоз вместе с тендером занял почти весь двор.

Даже мама и папа не могли не признать, что он выглядел впечатляюще.

– Можно брать деньги с людей и пускать их посидеть в кабине, – сказал Том.

– Ну уж нет, – решительно заявила Кейт. – Я не хочу, чтобы какие-то посторонние люди тёрлись своими задами о сиденья в кабине моего паровоза.

– Не говори слово «зад», – нахмурился папа.

– Вперёд-назад, – сказала Кейт. – Задним числом. Задний двор.

– Я тебя попросил...

– Он, наверное, очень старый, – сказал Том. – Сколько ему лет?

– Я не знаю, – сказал дядя Герберт.

– Какая у него предельная скорость?

– Не знаю.

– Сможет ли его поднять самый сильный человек в мире?

– Не зна... Хотя нет, погоди. Я знаком с самым сильным человеком в мире и уверен, что даже он не сумеет поднять паровоз. Хотите забраться в кабину?

Конечно, они хотели забраться в кабину. Это было непросто – как я уже говорил, паровоз был огромным, и его строили явно не для детей, – но Кейт с Томом мастерски лазили по деревьям и вообще где угодно, и под дверью кабины обнаружили две металлические ступеньки, и там был поручень, чтобы схватиться.

А дальше, если уж быть совсем честной, Кейт испытала разочарование. В кабине паровоза всё устроено совсем не так, как в кабине грузовика или, скажем, самолёта. Во-первых, там нет лобового стекла, потому что прямо перед кабиной стоит огромный паровой котёл, который всё равно загораживал бы обзор. Есть два окошка по обеим сторонам кабины, но от них мало толку. Сама кабина похожа на крошечную комнатку – может быть, на машинный отсек корабля, но очень старого корабля, без компьютеров и радаров.

Повсюду тянулись медные и стальные трубы, похожие на заросли металлического плюща. Из них вырастали вентили, рукоятки и рычаги,

застеклённые коробочки с какими-то круглыми шкалами и ещё больше труб. Нигде не было никаких подписей и ярлычков. В кабине пахло старым машинным маслом, как в гараже автосервиса. Да, паровоз был настоящим, но совсем непонятным.

Ребята нашли два откидных сиденья. Откинули их и уселись.

– Теперь понятно, почему машинисты всё время высовываются из окон, – сказал Том. – Иначе никак не поймёшь, куда едешь.

– Ага. Жалко, что мы никуда не поедем.

Кейт высунулась из окна.

– Дядя Герберт, тут всё так странно!

– Мы не знаем, что делать! – добавил Том. – Тут нет руля!

– Никто не рулит поездами, – сказал дядя Герберт, прищурившись. – Они едут там, где проложены рельсы.

– Ага, ясно.

Педалей газа и тормоза тоже не было. Во всяком случае, Кейт их не видела.

– А тут есть гудок? – спросила она.

– Есть, – сказал дядя Герберт. – Но он паровой. Без пара не загудит.

– А...

Кейт с Томом бродили по тесной кабине, крутя за колёсики, дёргая за рычаги и сдвигая всё, что сдвигалось. Но ничего не происходило. Всё выглядело очень круто, но ребята не знали, как с этим играть. Они открыли заслонку печи, вделанной в стену. Внутри были только зола и холодный пепел.

Том объявил, что они в танке, встал на сиденье с ногами и расстрелял воображаемой пушкой воображаемую армию нацистов, но без особого воодушевления.

Потом они выбрались из кабины и спустились на землю, оба заметно разочарованные.

– Я знаю, что надо сделать, – сказала Кейт. – Надо соединить эти рельсы со старой веткой в лесу.

В лесу и вправду была старая, давно заброшенная железнодорожная ветка, её рельсы насквозь проржавели, погребённые под опавшими листьями и утопленные в земле. Кейт с Томом нашли её как-то раз, когда ходили в лес на разведку.

– Она давно не используется, – сказал папа.

– Так, а теперь все послушайте меня! – воскликнула мама, хлопнув в ладоши. – Сегодня день рождения у Кейт. А кто-нибудь помнит, когда день рождения у меня?

– Через неделю, – сказала Кейт.

– Точно. Ровно через неделю. Значит, неделю паровоз пробудет у вас. А на мой день рождения Герберт сделает мне подарок и увезёт его прочь.

– Что?! – Кейт не поверила своим ушам.

– А если я уже приготовил другой подарок? – тихо проговорил дядя Герберт.

– Крепкий большой грузовик, который увезёт паровоз прочь отсюда? – Мама воинственно подбоченилась. – Это будет твой подарок мне на день рождения?

– Нет.

– Тогда, что бы там ни было, отправь это обратно. На мой день рождения ты заберёшь паровоз, и надеюсь, мы больше его никогда не увидим.

– Нет! – крикнула Кейт, не успев хорошенько подумать, что она делает. – Это мой паровоз! Ты не можешь им распоряжаться!

Глава 3. Кейт наговорила ещё много всего

Кейт сказала родителям, что она их ненавидит и что они самые злые и гадкие люди на свете. Она сказала, что ей никогда в жизни не дарят ничего интересного, а теперь, когда всё-таки подарили, им обязательно нужно испортить ей радость. Она сказала, что родители её не любят и что их вообще ничего не заботит, кроме их глупых смартфонов.

Мне хотелось бы вам сообщить, что она говорила всё это сдержанным и рассудительным тоном, но нет. Она кричала как резаная.

Потом она заявила, что это был худший день рождения в её жизни, и мама велела ей идти к себе в комнату, и Кейт сказала: *Ну и пожалуйста*, – и ушла к себе в комнату, хлопнув дверью, хотя мама кричала ей вслед, чтобы она *не вздумала* хлопнуть дверью. Кейт просидела у себя в комнате целый день.

Всё, что она наговорила родителям, было неправдой, кроме разве что худшего дня рождения в её жизни, хотя когда ей было два года, она жутко температурила в свой день рождения, и её весь день рвало, так что вопрос о худшем дне рождения всё-таки оставался открытым.

В глубине души она всё понимала. Она понимала, что все её беды – никакие не беды, по крайней мере в сравнении с бедами героев книг. Её никто не бил, не морил голодом, не запрещал идти на бал в королевском дворце. Злые приёмные родители не бросали её в чаще леса на съедение волкам. Она даже не сирота! Как ни странно, но иногда Кейт ловила себя на мысли, что ей *хочется* катастрофы – зомби-апокалипсиса, древнего проклятия, нашествия инопланетян, да чего угодно, на самом деле, – и тогда она станет героем, выживет, победит всех врагов и спасёт мир.

Она сама понимала, что это глупо. Она просто хотела почувствовать себя особенной. Хотела быть кому-то нужной. Ясно, что паровоз, полученный в подарок, не сделает её особенной. *Само собой*. Но она всё равно ощущала себя особенной, пусть и самую малость. Не каждой девочке дарят на день рождения паровоз! А теперь мама хочет отправить его обратно, откуда бы он ни взялся.

И, что самое неприятное, размышляла Кейт – с глазами, опухшими от слёз, она лежала у себя на кровати и угрюмо смотрела в окно, за которым уже потихоньку сгущались вечерние сумерки, – самое неприятное, что она и сама понимала, что мама права. Кейт не призналась бы в этом даже себе самой, но хотя паровоз был настоящим и невероятно крутым, он был ещё и безумно большим, и нелепым, и, самое главное, бесполезным. Дядя Герберт наверняка выложил за него кучу денег, на которые можно было бы купить что-то поинтереснее... я даже не знаю... маленькую подводную лодку, или космическую ракету, или супермощный компьютер. Или, может быть, роботизированный экзоскелет. Что угодно, лишь бы не дурацкий паровоз. Может быть, дядя Герберт вернёт его в магазин – или где продают паровозы? – и просто подарит ей деньги.

Кто-то постучал в дверь – судя по стуку, это был Том. Кейт не ответила. Том ушёл, потом вернулся и опять постучал, снова ушёл, и наконец просто вошёл к Кейт без стука и плюхнулся на нижнюю койку двухэтажной кровати. Теперь у них у каждого была своя комната, но раньше они спали в одной, и в комнате Кейт по-прежнему стояла двухэтажная кровать.

Сначала Том просто лежал и молчал, но он не умел долго лежать и молчать. Его всегда раздражала энергия, которой, кажется, было тесно у него в теле, и ему приходилось сжигать излишки. Он начал напевать себе под нос. Потом принялся барабанить по стенке кровати. Затем стал пинать верхнюю койку снизу. Потом притворился, что его застрелили, и упал с кровати, пытаясь рассмешить Кейт.

Кейт не рассмеялась.

– Уходи, – пробурчала она.

– По крайней мере, мы можем играть с паровозом ещё неделю. Это лучше, чем ничего.

Видимо, кто-то когда-то сказал Тому, что во всём надо искать свои плюсы. Кейт всегда раздражал неуёмный оптимизм брата, а уж сегодня и подавно. У Тома ни разу не отбирали подарки. И никогда не отправляли на целый день в его комнату. По крайней мере, Кейт именно так и казалось.

Молчание затянулось. Том никуда не ушёл.

– Кажется, поезд горит, – сказал он.

– Вот и хорошо.

- Ты хочешь, чтобы он сгорел? Почему?
- Потому что я его ненавижу.
- Почему?
- Потому что я всех ненавижу! И тебя в том числе!
- Ты какая-то злая.
- Я и не пытаюсь быть доброй!

Том выглянул в окно.

– Значит, сегодня тебе повезло, потому что поезд и вправду горит. Честное слово. Посмотри сама.

Кейт тоже выглянула в окно. И нахмурилась. В окошке кабины её паровоза плясал крошечный огонёк.

- Странно, – прошептала она.
- Думаешь, он и вправду горит?
- Как он может гореть? Он ведь железный.

Они потихоньку спустились в кухню и вышли во двор через заднюю дверь. Уже вечерело. Трава холодила босые ноги. Вы, наверное, подумали, что сейчас Кейт и Том должны были бы поднять тревогу и сообщить родителям, что у них во дворе, возможно, случился пожар в паровозе. Но они не побежали к родителям. Происходило что-то интересное, и Кейт не хотелось, чтобы взрослые вмешались и всё испортили. Они вечно всё портят.

- Смотри, – сказал Том. – Рельсы стали длиннее.

И действительно: ещё днём паровоз стоял на коротком отрезке рельсов, а теперь в траве протянулись новенькие, серебристо-стальные рельсы, уходившие куда-то вдаль.

– Мне понравилась твоя идея, – раздался голос из сумрака. – Соединить рельсы со старой веткой в лесу.

Дядя Герберт стоял, прислонившись к колесу паровоза. Пока он не заговорил, Кейт его даже не видела.

– Дурацкая была идея, – пробормотала она. – Та ветка заброшена, и рельсы там ржавые, и они никуда не ведут. И даже если бы вели, паровоз всё равно с места не сдвинется. Если вы вдруг не заметили.

– Я заметил, – сказал дядя Герберт. – Зря ты считаешь, что взрослые ничего не замечают.

- Иногда именно так и кажется.

– А взрослым иногда кажется, что вы, дети, только и делаете, что пялитесь в телевизор или играете в свои компьютерные игрушки и

совершенно не уделяете внимания реальной жизни.

Да, все взрослые так говорят, но Кейт удивилась, услышав подобную отповедь от дяди Герберта. Она уже начала надеяться, что он не такой, как другие взрослые, – но, конечно, он точно такой же. Взрослые все одинаковые.

– Почему я должна уделять внимание реальной жизни? – спросила она. – Реальная жизнь жутко скучная!

– Откуда ты знаешь, что она скучная, если не уделяешь ей никакого внимания?

– Тогда, может, реальная жизнь тоже могла бы уделить мне внимание!

– Может быть, – тихо проговорил дядя Герберт, словно пытаюсь напустить на себя таинственности. – Мир интереснее, чем нам кажется.

– Это было бы здорово. – Кейт скрестила руки на груди. – Потому что он кажется донельзя скучным!

– А как же таинственный огонь в кабине? Он тоже скучный? Ты же вышла во двор посмотреть, что происходит?

Возразить было нечего.

– Да, наверное, – сказала Кейт.

Она шагнула к паровозу, но остановилась и обернулась к дяде Герберту:

– Мы ещё не закончили наш разговор.

– Да, – кивнул дядя Герберт. – Ещё не закончили.

Глава 4. Что было дальше

Кейт подошла к паровозу и заметила кое-что ещё: из трубы на крыше струился белый пар и вился влажным туманом вокруг колёс.

Кейт вдруг занервничала.

– Давай, – сказал дядя Герберт. – Вот оно. В кои-то веки реальная жизнь сделалась интересной. Она уделяет тебе внимание. Ты же этого и хотела?

Кейт не любила, когда ей пеняли, повторяя её же слова, поэтому ничего не сказала, а просто залезла в кабину. Металлические ступени казались особенно твёрдыми под босыми ногами. Кабину освещало сияние пламени. Кто-то развёл огонь в маленькой печке, где прежде была лишь холодная зола. На улице было прохладно, но от печки исходил такой жар, то Кейт мигом согрелась.

И ещё кое-что интересное: раньше тендер был пустым, а теперь там лежала гора угля. Том забрался в кабину следом за Кейт.

– Круть, – сказал он. – Как в походе. Можно здесь заночевать.

– Как в том лесном домике с печкой, – сказала Кейт. – Когда мы ездили кататься на горных лыжах и папа в первый же день поранил колено и всю неделю ходил в плохом настроении. Ты был совсем маленьким и, наверное, не помнишь.

– Я помню. – Том откинул сиденье и уселся. – Я тогда потерял Лисика.

Плюшевый Лисик – полное имя Лисик Джонс – был любимой игрушкой Тома буквально с младенчества. Когда Лисик потерялся, Том плакал несколько дней – и до сих пор не может без слёз читать «Изумительного мистера Лиса». Да, у мальчишек тоже есть чувства, просто они почему-то старательно их скрывают.

Кейт выглянула в окошко. Окна их дома были ярко освещены, и Кейт видела, как папа накрывает на стол в гостиной. Готовится к праздничному ужину в честь её дня рождения. Сейчас он казался таким далёким, словно их разделяла тысяча миль.

– Жалко, что паровоз ненастоящий, – тихо проговорила она. – В смысле что он никуда не поедет. А так было бы приключение...

– Ага.

И тут один из больших рычагов с глухим лязгом сдвинулся вперёд.

Кейт нахмурилась.

– Странно... Это ты его сдвинул?

– Нет, – сказал Том.

Кейт высунулась в окно.

– Дядя Герберт? Тут что-то сдвинулось.

Дядя Герберт вскинул голову.

– Что значит «сдвинулось»?

– Само по себе.

Он нахмурился.

– Не может быть.

Но теперь всё в кабине задвигалось: закрутились какие-то медные колёса, поршни заходили вверх-вниз, ожили стрелки на датчиках. Защёлкали переключатели.

– Дядя Герберт, честное слово! Здесь всё движется! Почти всё!

Кейт впервые увидела, как на лице её дяди отразилась растерянность.

– Ясно. Думаю, вам лучше выбраться из кабины. – Он произнёс это с теми же осторожными интонациями, с какими люди обычно обращаются к расшалившейся кошке, пытаясь её вразумить. – И как можно скорее.

– Кейт, – сказал Том. – Может, и вправду...

– Но что происходит? Это какая-то игра?

– Не важно! – сказал дядя Герберт. – Просто спускайтесь!

Том пошёл к двери, но Кейт осталась на месте.

– Можешь идти, – сказала она. – Я не обижусь. Но мне хочется посмотреть, что будет дальше.

Том надолго задумался.

– Я тоже останусь, – наконец сказал он, причём очень серьёзным, торжественным голосом.

Теперь пар буквально валил из трубы, и вся лужайка за домом затянулась белёсым туманом. Повернулась какая-то ручка, из головного прожектора вырвался луч яркого белого света, осветившего траву, и деревья, и стену соседнего дома. Откуда-то снизу донёсся резкий, довольный треск. Но не такой треск, когда что-то ломается. Скорее как будто освободилась какая-то штука, которую заклинило сто лет назад.

– Это был тормоз! – закричал дядя Герберт. – Спускайтесь! Быстрее!

Пффф.

Паровоз издал глухой, хриплый звук, похожий на вздох древнего зверя, пробудившегося от очень долгого сна.

– Погодите... это взаправду или понарошку? – крикнула Кейт.

– Это волшебство! – Дядин крик почти утонул в шипении пара. – Вы же не думали, что богатство досталось мне тяжким трудом, да?

Кейт, конечно, ему не поверила. Потому что, в отличие от книг, в реальной жизни волшебства не бывает. Но других объяснений у неё не нашлось.

Пффф...

Пффф...

Пффф...

Теперь треск, шипенье и звон доносились уже отовсюду. Паровоз – все его 102,36 тонны – покатился по рельсам так же плавно, как лодка проходит по тихому озеру. Сразу было понятно, что если такая тяжёлая штукавина сдвигается с места и набирает ход, её уже не остановишь.

Дядя Герберт побежал рядом, бормоча *нет, нет, нет* и пытаясь запрыгнуть на паровоз на ходу, как бывает в кино. Кейт почему-то совсем не было страшно. Наоборот, она себя чувствовала счастливой, как никогда. Словно в ней тоже что-то освободилось. Словно её собственный заклинивший тормоз наконец встал на место. Да, вот оно. *Чего-то такого* она и ждала.

Дядя Герберт на собственном опыте убедился, что запрыгнуть на движущийся паровоз гораздо труднее, чем кажется в фильмах.

– Идите к нам, дядя Герберт! – крикнула Кейт.

– Не могу! Вылезайте!

– Нет, дядя Герберт. Вы сами сказали: жизнь становится интересной.

– Какой-то уж *чересчур* интересной! – Дядя Герберт остановился и наклонился вперёд, упёршись руками в колени и пытаясь отдышаться. – Вы ещё не готовы!

– К чему не готовы?

Кейт чувствовала, что готова ко всему. Ветер развеивал её волосы. Она даже не знала, умно сейчас поступает или, наоборот, очень глупо. Но это было не важно, потому что её сердце буквально рвалось от восторга.

Это в тысячу раз интереснее компьютерных игр!

Глава 5. Всё очень странно

Паровоз свернул вправо, следуя по рельсам, уходящим в лес за их домом. У Кейт отлегло от сердца: она всерьёз испугалась, что разогнавшийся паровоз проломит забор и снесёт дом соседей – может быть, вместе с соседями. Но ничего страшного не случилось. Паровоз мчался в глубь леса.

– Не верю! – крикнула Кейт. – Так не бывает!

В ответ Том заухал, как филин.

– Да, действительно можно рехнуться!

Паровоз ломал ветки деревьев и разбрасывал в стороны целые стволы. Луч прожектора пробивал темноту, словно яростное дыхание дракона. Повсюду летали зелёные летние листья. Кейт понимала, что им попадёт. *Ещё как попадёт.* Их с Томом накажут *на всю жизнь вперёд.* Но оно того стоит!

Этот лес ребята знали как свои пять пальцев. Они оба жили здесь с самого рождения и излазили все окрестности вдоль и поперёк. В лесу за домом не осталось ни одного дерева или камня, на которые они не вскарабкивались – и с которых не грохались – по миллиону раз. Но они никогда не бывали в лесу поздно ночью, и уж тем более не приезжали сюда на большом паровозе, не поддающемся управлению. Кейт уже мысленно приготовилась к самому худшему: что они разобьются, если паровоз врежется во что-то большое и твёрдое, или перевернутся, когда рельсы закончатся. Это будет настоящая катастрофа. И всё же оно того стоит. Кейт поклялась себе, что никогда не забудет эту гонку сквозь ночной лес на её собственном – настоящем – паровозе.

Но они не разбились и не перевернулись. Паровоз мчался вперёд. Птицы испуганно взмывали ввысь. Ветки деревьев хлестали по окнам. Кейт с Томом истерически хохотали. Сколько продлится эта безумная гонка? Что ждёт их впереди?

Внезапно Том перестал смеяться.

– Погоди, – сказал он. – А что будет, когда мы приедем к холму?

Хороший вопрос.

В старину, когда люди составляли карты и многие земли оставались ещё не исследованными, на тех участках, о которых никто ничего не знал, картографы рисовали драконов и морских чудовищ.

Или просто писали: *Hic sunt leones*, – что в переводе с латыни означает «Здесь обитают львы».

Неподалёку от дома Кейт и Тома, прямо посреди леса стоял крутой каменистый холм – почти отвесный утёс – с сетчатым ограждением на вершине. А на другой стороне холма лежало жуткое тёмное болото, где обитала всякая мошкара и, по слухам, жила гигантская кусачая черепаха, которая может запросто откусить человеку ногу. Если бы картографы из далёкого прошлого взялись составлять карту леса за домом Тома и Кейт, на месте холма и болота они точно нарисовали бы морских чудовищ. Или львов.

Кейт всё же отважилась высунуться в окно.

– Ой, нет. Мы уже почти там!

– Кейт, – очень серьёзно проговорил Том, – всё-таки мне бы хотелось понять, что будет. В смысле что будем делать? Спрыгивать на ходу?!

– Я не знаю!

Её как будто парализовало. От паники. А ведь она старшая, она должна знать! Впервые ей пришло в голову, что всё может закончиться очень плохо. Интересно, какая там глубина, на болоте? Если паровоз упадёт прямо в трясину и пойдёт на дно, им с Томом точно не выбраться. Они утонут.

Но теперь уже поздно что-то придумывать, потому что пока эти мысли вихрем неслись в голове у Кейт, «Серебряная Стрела» пробил сетчатое ограждение – легко, как кирпич пробивает оконное стекло, – замер на долю секунды на самом краю обрыва, как кабинка американских горок перед крутым спуском, и рухнул вниз.

Колёса стучали всё быстрее и быстрее. Кейт зажмурилась. В животе всё оборвалось, тошнота подступила к горлу. Кейт стиснула зубы и вцепилась в сиденье так крепко, что у неё побелели костяшки пальцев...

Но конец не наступил. Приземлившись у подножия холма, паровоз просто поехал дальше – быстрее, чем прежде, но тише, потому что ветки деревьев уже не хлестали по окнам. Кейт очень медленно разжала зубы и отпустила сиденье. *Пффф, пфффф*. Паровоз пыхтел ровно и радостно. Кейт осторожно открыла глаза.

Сейчас они с Томом должны были тонуть в болоте, и кусачая черепаха нетерпеливо ждала бы на дне, когда можно будет откусить

ноги у их захлебнувшихся тел. Но никакого болота не было и в помине. Паровоз преспокойно катился по рельсам, проложенным через тёмный тихий лес.

Кейт точно знала, что леса здесь быть не должно. Здесь должно быть болото, за ним – большой офисный комплекс, а за ним – скоростное шоссе. То есть леса тут быть не может.

Но сам лес об этом не знал. Он просто был – и становился всё гуще и всё темнее.

– Где мы? – прошептал Том.

– Не знаю!

– Мне до сих пор трудно поверить, что паровоз настоящий!

– Мне тоже.

– И что всё происходит на самом деле! Прямо сейчас!

Следующие пять минут Кейт с Томом ещё трижды говорили о том же самом. Другими словами, но с тем же смыслом. Они обсудили возможность, что их везут в Хогвартс, и решили, что всё-таки нет, хотя это было бы круто. К тому же Кейт как раз исполнилось одиннадцать лет.

Кейт высунулась в окно с одной стороны кабины, а Том – с другой. Кейт гадала, куда они едут, и стоит ли туда ехать, и где именно лучше всего спрыгнуть с паровоза – если всё же придётся прыгать, – так чтобы не пораниться и ничего себе не сломать, и сколько времени займёт дорога домой, и что именно сделают с ними родители, когда они доберутся до дома. Конкретно сейчас Кейт совсем не хотелось проверять на практике справедливость теории Грейс Хоппер о прощении и разрешении.

И в то же время восторг, и энергия, и радость, которых она ждала всю свою жизнь, наконец-то накрыли её с головой, отзываясь волнующей дрожью в сердце. А значит, игра всё-таки стоила свеч.

Хотя был июнь, ночью на улице стало прохладно, и Кейт замёрзла в лёгкой футболке. Она была рада, что в кабине есть печка, где горит огонь. Через пару минут впереди показался какой-то бледный свет, пробивавшийся сквозь деревья.

Поначалу он был далёким и тусклым и то и дело терялся среди плотно сплетённых ветвей, но становился всё ярче и ярче, и когда паровоз подошёл ближе, Кейт разглядела, что это такое. Железнодорожная станция.

Не большой городской вокзал, а маленькая сельская станция – освещённая платформа на лесной поляне. На перроне стояли люди и ждали поезда.

Только это были не люди, а звери. Семейство оленей, волк, несколько лисиц, большой бурый медведь, с десятков кроликов или зайцев – или это одно и то же? – и барсук с полосатой мордочкой. На перилах платформы сидели птицы, большие и маленькие.

Они просто стояли или сидели, тихие, как пассажиры в ожидании утренней электрички. Каждый держал свой билет в клюве или во рту.

Глава 6. Клац-клац!

Подъезжая к платформе, «Серебряная Стрела» сбросил скорость, выпустил из трубы большое облако белого пара и остановился с громким свистящим *шшшш*. На станции висели часы на фонарном столбе – старинные, круглые, с подсвеченным циферблатом. Было уже очень поздно, почти десять вечера.

Том подошёл к окну на стороне Кейт, чтобы посмотреть на животных. Животные тоже смотрели на них. Не убегали при виде людей, как это свойственно диким животным. Просто смотрели.

Это было как сон. На улице похолодало ещё сильнее, и дыхание зверей вырывалось из пастей облачками пара.

Наконец Том произнёс:

– Привет.

Кейт далеко не всегда радовалась присутствию брата – на самом деле она обычно предпочитала его отсутствие, – но сейчас Кейт была рада, что рядом есть Том. Она знала за собой привычку сомневаться во всём и слишком много думать. У Тома таких проблем не было, он просто выпаливал всё, что приходило ему на ум.

Маленький серый лисёнок наклонил голову и аккуратно положил билет на перрон.

– Привет, – сказал он.

– Привет, – сказала Кейт.

– Долго здесь не было поезда, – сказал лисёнок.

– Очень долго, – сказал барсук, вынув билет изо рта двумя лапами.

Кейт промолчала, потому что не знала, что говорить. Всё, что приходило ей в голову: «Правда?» или «Ну надо же!» – казалось каким-то глупым.

– Как долго? – спросил Том.

– Уже лет тридцать, – сказал барсук. – Где вы были? Как-то вы припозднились.

– Погодите... вы разговариваете? – сказала Кейт.

– Конечно, мы разговариваем, – сказал лисёнок. – Но не с людьми. Если по правде, мы редко встречаем людей, с кем нам хотелось бы заговорить. Без обид.

Кейт решила, что это справедливо.

– Но вы же не ждали здесь, на платформе, все тридцать лет? – спросила она.

– Разумеется, нет. Мы просто периодически проверяем, что тут на станции. В смысле, мы же животные, нам не надо ходить на работу.

– Да, наверное.

– Вам нужно доехать до сортировочной станции и прицепить вагоны, – сказал кто-то из зайцев. – И лучше бы поскорее. Пока не стало уже совсем поздно.

– До сортировочной станции, – задумчиво проговорила Кейт. – Ясно. Спасибо. Мы так и сделаем.

Ей показалось, что это хороший совет.

– Значит, до скорой встречи.

Животные подняли свои билеты и снова замерли в ожидании. Паровоз дёрнулся, зашипел и отошёл от перрона. Том потянул за верёвку, свисавшую с потолка, и дал два коротких гудка:

уууу! уууу!

Кейт звонила в колокольчик, пока огни станции не утонули в темноте позади.

– Ты видел? – спросила Кейт.

– Ещё бы я не видел! – ответил Том.

– Говорящие животные! И они говорили с нами!

Это само по себе было невероятно, но Кейт больше всего взволновали слова животных. Значит, это не просто увеселительная поездка: Кейт с Томом надо приехать в определённое место – а именно на сортировочную станцию, где бы она ни была, – и приехать не просто, а ради дела – а именно чтобы прицепить к паровозу вагоны. Даже увеселительная поездка была интересной, но так получалось ещё даже лучше. Это не просто игра. Им поручили ответственное задание. Наверняка очень важное.

В печке весело трещал огонь, и Кейт подумала, что в кабине паровоза очень даже уютно. Пахло горячим машинным маслом: интересный, приятный запах. Всё было сделано из меди, латуни, кожи, дерева и стекла. Всё казалось старинным, как те экспозиции в музеях, которые всегда отгорожены от посетителей бархатными верёвками.

– Интересно, а кто ведёт паровоз? – сказал Том. – В смысле это точно не мы.

– Кто знает?

Внезапно у них за спиной раздался тихий треск, похожий на клацанье клавиш старинной пишущей машинки.

Кейт обернулась и только теперь заметила, что на стене кабины – среди труб, поршней и рычагов – висела коробочка с крутящейся бумажной лентой, выходявшей из прорези сверху и уходившей в прорезь внизу. На видимой части бумаги было напечатано:

Я ЗНАЮ

Как только ребята это прочли, коробочка снова заклацала, лента сдвинулась, предыдущая надпись ушла вниз и скрылась из виду, а сверху выползла другая надпись. Это и впрямь было похоже на пишущую машинку или на очень древний принтер.

Ребята прочли:

ДАЛЕЕ СЛЕДУЮТ ИНСТРУКЦИИ,
КАК УПРАВЛЯТЬ ПАРОВЫМ ЛОКОМОТИВОМ

Ну вот, подумала Кейт. Началось.

Клац-клац. Появилась ещё одна надпись.

УПРАВЛЯТЬ ПАРОВЫМ ЛОКОМОТИВОМ
НЕПРОСТО

НО НЕ ВОЛНУЙТЕСЬ,
Я ВАС НАУЧУ

– Прекрасно. – Том закатил глаза. – Паровозная школа.

Клац-клац.

ЭТО НЕ «ПАРОВОЗНАЯ ШКОЛА»

ЭТО НАЗЫВАЕТСЯ ОБУЧЕНИЕМ

ПРИ УМЕЛОМ ПОДХОДЕ УЧЁБА
ПРОХОДИТ ЛЕГКО И ПРИЯТНО

ХОТЯ НАДО ПРИЗНАТЬ, ЧТО ПОДХОД
РЕДКО БЫВАЕТ УМЕЛЫМ

Том скрестил руки на груди. Его явно не убедили эти слова.

СМОТРИТЕ, УЧИТЬСЯ ЧЕМУ-ТО ВСЕГДА НЕЛЕГКО
И, КАК ПРАВИЛО, НЕПРИЯТНО
В ПРОТИВНОМ СЛУЧАЕ ВСЕ БЫ ТОЛЬКО И
ДЕЛАЛИ, ЧТО УЧИЛИСЬ,
И ТОГДА ВСЕ ЗНАЛИ БЫ ВСЁ

ПРАВИЛЬНО?

Кейт пожала плечами:

– Наверное.

НЕ НАВЕРНОЕ, А ТОЧНО

ПРОСТО НУЖЕН ХОРОШИЙ УЧИТЕЛЬ

К СЧАСТЬЮ, Я ОЧЕНЬ ХОРОШИЙ УЧИТЕЛЬ

– Ну да, как же, – буркнул Том себе под нос.

ИМЕННО ТАК

– Как ты вообще разговариваешь? – спросила Кейт, в полной мере осознавая, что почти тот же вопрос она задавала лисёнку.

Я НЕ ЗНАЮ, Я ПРОСТО ЕСТЬ

– Ты, наверное, большой металлический робот?

НЕ ЗНАЮ

НАВЕРНОЕ, ТЫ САМА ТОЖЕ РОБОТ,
ТОЛЬКО ИЗ ПЛОТИ И КРОВИ

ЕСЛИ ПОДУМАТЬ

Кейт подумала. И решила, что паровоз в чём-то прав.

СЕЙЧАС ВАША ЕДИНСТВЕННАЯ ЗАДАЧА:
ПОДКИНУТЬ В ТОПКУ УГЛЯ

УГОЛЬ В ТЕНДЕРЕ. ТАМ ЖЕ ЛОПАТЫ

ТОПКА – ЭТО ПЕЧЬ, ГДЕ ГОРИТ ОГОНЬ

– Я уже догадался, – пробормотал Том.

МЕНЬШЕ СЛОВ, БОЛЬШЕ ДЕЛА

В тендере и вправду нашлись две короткие лопатки и две пары перчаток, висевших на колышках, вбитых в стену. Ребята надели перчатки и принялись кидать уголь в топку. Вскоре огонь, потихоньку начавший затухать, разгорелся с новой силой.

Ребята отлично справились с работой. Им было на удивление приятно видеть результаты своего труда.

– Значит, у нас говорящий паровоз, – сказала Кейт.

– Похоже на то.

Клац-клац.

ДА, ПОХОЖЕ НА ТО

Глава 7. На сортировочной станции

«Серебряная Стрела» с пыхтением мчался вперёд; Кейт подумала, что теперь, когда они с Томом подкинули в топку угля, паровоз запыхтел веселее и энергичнее. У неё никогда не было домашних питомцев, потому что у обоих её родителей была жуткая аллергия на всех животных, каких только можно представить, но она решила, что, наверное, именно так себя чувствует хозяин, когда кормит питомца. Пусть даже этот питомец сделан из металла, а сам настолько огромный, что ты сидишь у него внутри.

За окном пошёл снег, что было странно, если учесть, что сейчас вообще-то июнь. Впрочем, всё происходящее было странно, так что ещё одна странность, как говорится, погоды не делала. Паровоз продолжал говорить с Кейт и Томом. Он объяснил, как работает дроссельный регулятор, и показал, где находится тормоз. Потом велел посмотреть в окно.

Снаружи что-то происходило. Путь разделился на два пути, затем разделился опять, и опять, и вот уже вместо одной пары рельсов их стало несколько дюжин, и через пару минут их паровоз выехал на большое открытое пространство, где повсюду тянулись рельсы, тускло поблёскивающие в темноте, как стальные спагетти на гигантской тарелке.

Кейт с Томом осторожно сбросили давление пара и нажали на тормоз. Паровоз стал замедляться и остановился с глухим паровым вздохом. Повсюду вокруг на мерцающих рельсах стояли вагоны, самых разных цветов и размеров. Их было много, наверное, несколько сотен. Новенькие и блестящие – и совсем старые, пыльные и проржавевшие.

Время было уже совсем позднее, но Кейт совершенно не хотелось спать.

На самом деле, она никогда в жизни не чувствовала себя бодрее.

– Наверное, это и есть сортировочная станция, – сказала она. – О которой говорил лисёнок.

– Он мне напомнил Лисика Джонса, – сказал Том. – Теперь надо понять, что нам делать.

Он посмотрел на рулон бумаги, где паровоз печатал им сообщения, но сейчас никаких сообщений не было. Снаружи ничто не двигалось.

Только снежинки плясали в мягком, как будто призрачном свете фонарей. Кейт вдруг стало тревожно и неудобно: они оказались в таком странном месте, непонятно где, и рядом нет никого из взрослых.

А потом Кейт увидела, что прямо к ним кто-то идёт, пересекая заснеженные пути. Это был дядя Герберт.

Дядя Герберт! Как здорово, что он здесь! Они с ним познакомились только сегодня, но у Кейт было такое чувство, что она видит старого друга. Он был одет в ярко-жёлтую куртку, под стать его жёлтому костюму, и смешную кондукторскую фуражку. В руках он держал планшет с зажимом для бумаг.

Дядя Герберт остановился и посмотрел на ребят, высунувшихся в окно.

– Кейт, Том. Рад вас видеть. Значит, сюда вы добрались.

– Дядя Герберт!

– Дядя Герберт! – воскликнул Том. – Мы проехали через лес, и не разбились, и видели станцию, где были животные, и они говорили человеческим голосом, а потом паровоз тоже заговорил!

Эту фразу он выпалил на одном дыхании, словно одно длинное слово. Дядя Герберт совершенно не удивился услышанному.

– Как вы добрались сюда раньше нас? – спросила Кейт.

– Волшебство, – сказал дядя Герберт. – Послушайте, произошла чудовищная ошибка. Ничего этого не должно было случиться, по крайней мере, не так вот сразу. Паровоз отправился в путь слишком рано. Может, он просто не мог больше ждать, я не знаю. Но мне это не нравится. Нам повезёт, если мы все не окажемся в Депо. Но уже поздно что-либо менять, назад пути нет – только вперёд. Значит, вам надо ехать и постараться всё сделать как следует. Теперь вам нужно придерживаться расписания.

– Подождите... Что именно нам надо сделать? – спросила Кейт.

– Прежде всего надо собрать для вас поезд. К счастью, здесь уже много лет никто не проезжал, так что на складе есть всё. Или почти всё. Какие будете брать вагоны?

– Вагоны? В смысле вагоны для поезда?

– Да.

– Вы собираетесь нам подарить целый поезд? Просто так?

Кейт с большим подозрением относилась не только к слишком круглым числам, но и к людям, делающим неожиданные подарки.

– Ну, паровоз-то я вам подарил.

– Э... ну да. Ладно, из чего можно выбрать?

– Всё происходит немного не так. Это не ресторан, где предлагают меню. Это ваш поезд. Вы должны сами его придумать.

Кейт с Томом растерянно переглянулись.

– Если вам нужен совет, – деликатно проговорил дядя Герберт, – я бы рекомендовал начинать с пассажирских вагонов.

Он сейчас говорил точно как официант в дорогом ресторане.

– Да, – кивнула Кейт. – Хорошая мысль.

– Ага, – сказал Том.

– Два пассажирских вагона?

– Давайте, – сказала Кейт. – Два пассажирских вагона.

– Отлично. Что ещё?

Какие ещё бывают вагоны? У Кейт не было ни одной мысли. Как я уже говорил, она совершенно не интересовалась поездами.

– Э... вагон-ресторан?

– Вагон-ресторан. Замечательно. – Дядя Герберт записал всё на листочке, закреплённом на планшете.

Больше Кейт ничего не придумала.

– Том, давай ты.

– Ну... А можно нам два вагона-ресторана?

– Зачем два?

– Будет два ресторана. Когда один надоест, можно будет пойти в другой.

Кейт подумала, что это глупо, но дядя Герберт невозмутимо записал на листочке:

– Второй... вагон-ресторан... Прекрасно. К ним нужен ещё вагон-кухня.

– Две кухни! – Том, похоже, вошёл во вкус.

– Принято. Что ещё?

Наступила долгая тишина.

– Спальный вагон, – сказала Кейт. – В поездах же бывают такие вагоны?

– Спальный вагон.

– Больше я ничего не могу придумать.

– Можешь, – сказал дядя Герберт.

И Кейт действительно смогла придумать. Это была совершенно дурацкая мысль, но ничего другого ей в голову не пришло.

– Я бы хотела библиотечный вагон, – сказала она. – Вагон с книжными стеллажами и удобными креслами и диванами, куда можно пойти почитать.

Ей было немного неловко за такую придумку, но дядя Герберт даже бровью не повёл.

– Библиотечный вагон, – записал он на листочке. – Что ещё?

– Вагон-кинотеатр, – предложил Том.

– Такого нет.

– Почему?

– Фильмы можно посмотреть дома.

– А ей вы дадите библиотечный вагон!

– Я уверен, что она будет не против, чтобы ты тоже туда ходил.

– Это грабёж!

– Ладно, я верну вам деньги. Хотя погодите... Вы не давали мне никаких денег! Вы получаете поезд бесплатно!

– Тогда мне нужен оружейный вагон. Два оружейных вагона! В одном будет холодное оружие, в другом – огнестрельное.

– Нет.

– Видеоиг...

– Нет.

– Интерне...

– Нет.

– Ну, ладно. – Том скрестил руки на груди. – Давайте конфетный вагон. Это моё последнее слово.

– Конфетный вагон! – Дядя Герберт был так потрясён, что Кейт невольно хихикнула. – В жизни не слышал такого нелепого запроса!

– Да ладно! – воскликнул Том. – Будет круто!

– Я пошутил, – сказал дядя Герберт. – Конфетный вагон мы тебе обеспечим. Что ещё?

– Вагон-бассейн! – сказала Кейт. Попробовать стоило. Особенно после конфетного вагона.

– Принято.

– Хорошо. Что там у нас получилось? – спросила Кейт.

– Два пассажирских вагона, – прочёл дядя Герберт. – Два вагона-ресторана, два вагона с кухней, спальный вагон, библиотечный вагон,

конфетный вагон, вагон-бассейн.

Два, четыре... десять вагонов. Вроде нормально для поезда. Хотя, может быть, всё-таки маловато.

– Давайте добавим открытую платформу, – предложил Том. – Просто настил, без всего. Там можно будет стоять и представлять, что мы занимаемся сёрфингом. И ещё нужен багажный вагон. В каждом поезде есть багажный вагон.

Дядя Герберт записал всё на листочке.

– Мне кажется, – сказала Кейт, – что нам нужен таинственный вагон. Чтобы мы не знали, что там находится, но обязательно что-то крутое.

Она подумала, что искушает судьбу с этим последним запросом, но дядя Герберт совершенно спокойно записал её пожелание.

– Больше я точно ничего не придумаю, – сказала Кейт.

– Я тоже.

– Кое о чём вы забыли, – сказал дядя Герберт.

– О чём?

– Ну, вспоминайте. Такой вагон есть в каждом поезде.

– А... служебный вагон!

– Вот теперь точно всё. – Он развернулся, готовясь уйти.

– Дядя Герберт? – У Тома был такой вид, словно он очень хотел задать вопрос, но не знал, как его сформулировать. – Зачем мы здесь?

– В смысле на сортировочной станции?

– Нет, в смысле вообще... На паровозе, в каком-то странном, непонятном месте. Куда мы едем?

Это был очень хороший вопрос. Кейт удивилась, что сама не додумалась его задать. У неё было странное, головокружительное ощущение, что она оказалась в какой-то огромной истории, смысла которой не понимает: словно ей предстояло сыграть в игру, правил которой она не знает, или как будто она выглянула в окно и вдруг поняла, что это окно – и она вместе с ним – располагается гораздо выше, чем ей представлялось.

– Вы едете навстречу приключениям, – сказал дядя Герберт. – Вы же хотели приключений?

– Да...

Это был явно не тот ответ, который хотел получить Том, но дядя Герберт взмахнул планшетом и объявил:

– Пойду передам ваш запрос диспетчеру. Да, кстати, пока не забыл: следите, чтобы бак с водой всегда был наполнен и чтобы огонь в топке никогда не погас. И по дороге смотрите по сторонам. Может, найдёте вечернюю звезду.

Он пошёл прочь, но остановился и опять обернулся к ребятам:

– Погодите. Что-то не так. Вы какие-то... вялые. И унылые.

Теперь Кейт уже окончательно убедилась, что у её дяди не было опыта общения с детьми.

– Мы просто устали, – сказала она и зевнула. – Уже очень поздно.

– А... – Он потёр подбородок. – Вам и вправду давно пора спать. Сейчас мы быстро прицепим пассажирские вагоны и спальный вагон, и вы сможете лечь.

– Мы будем спать прямо в поезде? А как же родители?

– Я им всё объясню.

– Они с ума сойдут от беспокойства, – сказал Том. – В буквальном смысле сойдут с ума.

– Им это не повредит, даже наоборот, – сказал дядя Герберт. – Слишком они здравомыслящие, эти двое. Спокойной ночи.

После этого он ушёл. Видимо, искать диспетчера, кем бы он ни был.

У Кейт слипались глаза. Она только сейчас поняла, что ужасно устала. Действительно, было уже совсем поздно, и за сегодняшний вечер у неё было столько событий, что их хватило бы месяца на два, и всё навалилось одновременно. Она уселась на откидное сиденье, прислонилась спиной к стене и закрыла глаза.

Она гадала, что имел в виду дядя Герберт, когда говорил о волшебстве. Все знают, что волшебства не бывает. Но с другой стороны, о таких вещах *просто так* не говорят. Тем более что доказательства существования волшебства громоздились, точно сугробы в сильный снегопад.

Кейт вспомнилась ещё одна фраза Грейс Хоппер: «Если окажешься где-то, где нечего делать, постарайся заснуть. Неизвестно, когда в следующий раз у тебя будет возможность поспать».

Кейт не знала, сколько прошло времени до того, как она ощутила лёгкий толчок. *Это, наверное, прицепили первый пассажирский вагон*, подумала она, не открывая глаз. А вот и ещё один лёгкий толчок: второй пассажирский вагон.

Надеюсь, животным вагоны понравятся, подумала Кейт.

Третий толчок. Видимо, спальный вагон.

Медленно, словно во сне, Кейт с Томом выбрались из кабины. Они почти и не слышали, как клацнуло пишущее устройство и паровоз пожелал им:

СПОКОЙНОЙ НОЧИ

Всё было не просто странно, а уже запредельно странно: оказаться посреди ночи на сортировочной станции, которой вообще не должно было существовать, студёной зимой, почему-то случившейся в разгаре лета, – но Кейт слишком устала, чтобы удивляться. На улице стало ещё холоднее, идти босыми ногами по снегу вперемешку со щебнем было больно и неприятно. Над ребятами нависали вагоны, огромные, как дома, их чёрные тени казались особенно резкими в свете фонарей. Кейт с Томом прошли мимо двух пассажирских вагонов, а за ними как раз был прицеплен спальный вагон.

Он был выкрашен в светло-кремовый цвет – цвет слоновой кости или очень дорогой бумаги, – и в нём имелись две двери, в начале и в конце. На одной было написано «ТОМ», на другой – «КЕЙТ». Когда Кейт подошла к своей двери, та открылась автоматически, и на землю опустилась маленькая металлическая лесенка. Очень удобно. Гораздо удобнее, чем карабкаться в кабину паровоза.

Внутри было тепло, горел мягкий приглушённый свет. К одной стене крепилась маленькая раковина, над ней висело зеркало. Рядом с зеркалом – крючок с мягким белым полотенцем и держатель для керамической чашки, в которой стояла зубная щётка и тюбик с пастой. Всё было крошечным, миниатюрным, чтобы не загромождать небольшое купе. Кейт чувствовала себя куклой в очень дорогом кукольном домике.

В шкафу Кейт нашла мягкий халат и тапочки, а в верхнем ящике небольшого комода – аккуратно сложенную фланелевую пижаму в сине-белую полоску. Всё было точно её размера. Кто бы ни подготовил ей это купе, он своё дело знает, подумала Кейт.

Она так устала, что не смогла даже толком умыться, просто плеснула водой в лицо и вытерлась полотенцем. Пижамы были мягкой и чистой и приятно холодила кожу. Кейт не стала чистить зубы, потому

что какой вообще смысл ложиться спать в волшебном поезде, если приходится чистить зубы?

Кровать была откидной, а рядом с нею висела полка с книгами, чтобы почитать перед сном, если вдруг будет охота. Обычно Кейт любила читать перед сном, но сегодня она так устала, что не могла даже читать. Она выключила свет, уютно закуталась в одеяло и сделала глубокий довольный вдох. В купе пахло чистым бельём и свежим деревом. Прямо над кроватью располагалось окно, и можно было смотреть на звезды.

В боковой стене открылась крошечная дверца, и в купе заглянул Том.

– Привет, – сказал он.

– Тут симпатично, скажи.

– Ага. – Том секунду помедлил. – Слушай... а можно дверь будет открыта?

Иногда Кейт забывала, что Том на два года младше. Он никогда в жизни не ночевал не дома – только у бабушки с дедушкой, – а теперь ему предстояло лечь спать в говорящем поезде на загадочной сортировочной станции, которой вообще не должно было быть.

Кейт решила, что ей и самой будет спокойней, если дверь между их половинками будет открыта.

– Конечно, можно. Спокойной ночи, Том.

– Спокойной ночи.

Кейт закрыла глаза и сразу уснула.

Глава 8. Предъявите билеты!

Кейт проснулась под ритмичный стук колёс. Утренний солнечный свет струился сквозь маленькое окошко спального вагона. Кейт села на постели. Поначалу она даже не поняла, где находится.

А потом вспомнила: её день рождения, паровоз, дядя Герберт, животные, всё-всё-всё, – воспоминания нахлынули так стремительно, что у неё закружилась голова. Она встала с кровати и заглянула на половину Тома сквозь приоткрытую дверь. Его купе было точно таким же, как у неё, только там обитал Том. Он по-прежнему крепко спал.

Кейт открыла окно. Утро было морозным и ясным и пахло заснеженным лесом. Впереди пыхтел паровоз, выдыхая сизый дым и белый пар, сзади тянулись вагоны. Самых разных цветов: чёрный, белый, тёмно-зелёный, голубой, кирпично-рыжий и жёлтый. Один вагон, тёмно-синий, был на метр выше всех остальных.

Кейт сосчитала вагоны: всего пятнадцать. Куда бы они сейчас ни направлялись, они едут на настоящем поезде.

В шкафу лежала одежда, и очень кстати, потому что одежда, в которой Кейт вышла из дома, была слишком лёгкой для зимы – а тут точно зима – и уже не особенно чистой. Правда, новая одежда была чуточку странной: белая блузка, плотный серый комбинезон и серый пиджак. И ещё тёплое зимнее пальто старомодного фасона, чёрного цвета, с интересными медными пуговицами – и очень крутые, очень «взрослые» чёрные ботинки с металлическими набойками, как нельзя лучше подходящими для того, чтобы пинать людей, если вдруг по какой-то причине тебе понадобится кого-то пнуть.

Кейт оделась, но не стала надевать пальто, и пошла в вагон-ресторан. В один из двух, если их действительно было два.

Там уже приготовили к завтраку «шведский стол». Кейт взяла себе яичницу, сладкую овсянку, йогурт, порцию свежих ягод, немного бекона и тост с маслом и абрикосовым джемом – бекон и тост чуть подгорели: именно так, как она любит, – и большой стакан свежевыжатого апельсинового сока. Набирая столько еды, Кейт чувствовала себя жадиной, но она рассудила, что раз уж еда всё равно приготовлена, то её надо есть.

Она села за столик у окна, потом сходила в спальный вагон и взяла книжку с полки над кроватью. Есть люди, для которых нет ничего лучше, чем позавтракать в одиночестве в мчащемся поезде – с хорошей книгой. Кейт была именно таким человеком.

Еёхватило какое-то новое чувство. Вернее, даже не чувство, а скорее отсутствие чувств, которые её донимали в последнее время. Она не ощущала усталости, ей не было скучно, она ни на что не досадовала, ей не хотелось оказаться совсем в другом месте и заняться чем-то другим. Кейт по-прежнему не понимала, что происходит, но знала, что она вольна быть собой – прямо здесь и сейчас. Ей не терпелось узнать, что она будет чувствовать дальше.

Поезд замедлял ход. Они уже подъезжали к станции, которую проехали вчера вечером. В вагон вошёл Том, зевая на ходу. Он по-прежнему был в пижаме.

– Наверное, мы должны что-то делать? – спросил он, жуя кусочек бекона.

– Да, наверное. Но что именно, я не знаю.

Клац-клац!

Здесь тоже висело устройство с подвижной бумажной лентой, на стене прямо у двери. Кейт заметила его только сейчас.

ДА, ВЫ ДОЛЖНЫ ЧТО-ТО ДЕЛАТЬ

– Ну и? – сказал Том. – Или нам надо самим догадаться?

БЫЛО БЫ ОЧЕНЬ НЕПЛОХО
НО ВАШИ ДОГАДКИ ВСЁ РАВНО БУДУТ
НЕПРАВИЛЬНЫМИ

МЫ ПОДЪЕЗЖАЕМ К СТАНЦИИ

ВАМ НАДО ПОЙТИ В ПАССАЖИРСКИЕ ВАГОНЫ И
ПРОВЕРИТЬ БИЛЕТЫ

– Ага...

В этом был смысл. И вроде бы не такая уж сложная задача. По крайней мере в теории.

В тамбуре у двери в пассажирский вагон ребята нашли две кондукторские фуражки, которые теперь почему-то уже не казались смешными, и два металлических дырокола, чтобы пробивать билеты. На обеих фуражках была выбита надпись: «Серебряная Стрела».

Ребята молча надели фуражки. Переглянулись, нахмурились и поменялись фуражками. Да, так-то лучше.

– А где ты взяла форму? – спросил Том.

Больше всего на свете он ненавидел, когда у Кейт было что-то, чего не было у него. Это глупо и очень по-детски, но Кейт и сама ненавидела то же самое.

– В шкафу в спальном вагоне. Ты не заглядывал в шкаф?

– Нет!

Раздался скрип тормозов, и поезд остановился.

– Ну, теперь уже поздно метаться, – сказала Кейт. – Придётся идти в пижаме.

Том скривился.

Двери открылись. На перроне по-прежнему стояли животные, замершие в терпеливом ожидании. Кейт подумала, что, возможно, они простояли тут целую ночь. Возможно, животным никогда не бывает скучно.

Животные начали заходить в вагоны.

Даже по человеческим меркам они вели себя вежливо и культурно. Никто не толкался, не лез вперёд. Никто не рычал, не кричал, не пищал и не пытался съесть других пассажиров, хотя Кейт заметила, что крупные хищники – волк, медведь и две самых больших совы – устроились в первом, ближнем к паровозу вагоне, а животные поменьше и послабее уселись во втором. Их шерсть или перья были присыпаны снегом.

Это были не домашние питомцы и не животные с фермы или из зоопарка, где все звери и птицы всегда выглядят вялыми и очень грустными. Это были настоящие дикие животные, и между ними и Кейт не было никаких перегородок – ни стекла, ни забора, вообще ничего. Она могла бы протянуть руку и коснуться любого из них, если бы осмелилась. У неё было странное чувство, что она тоже одна из них.

Как и прежде, животные держали свои билеты во рту или в клюве.

Вагоны были разделены на отдельные купе, и животные потихонечку их заполняли. Лисы запрыгивали на сиденья и

сворачивались клубочком. Птицы устраивались на багажных сетках и спинках сидений. Крупным животным приходилось протискиваться в узкие двери. Самые мелкие и робкие зверюшки – кролики и опоссумы – прятались под сиденьями. Все старались держаться подальше от большого медлительного дикобраза.

Пока двери были открыты, морозный воздух проник в вагон, и Кейт поёжилась в своём кондукторском пиджаке – она пожалела, что не надела пальто, но сейчас уже не было времени за ним бежать. Она дождалась, когда поезд тронется, и открыла дверь в первое купе. Там сидело семейство оленей – папа, мама и оленёнок – и хмурый взъерошенный сизый канюк. Под одним из сидений расположилась целая компания мышей.

Они все смотрели на Кейт. Она тихонько откашлялась, прочищая горло. Жалко, что ей никто ничего не объяснил: что именно надо делать и как это делать.

С другой стороны, что с ней может случиться плохого? У них есть билеты. Она их проверит. Ничего сложного в этом нет.

– Предъявите билеты, – сказала Кейт.

Олениха изящно вытянула шею, держа во рту три билета, за всё семейство. На билетах виднелись следы оленьих зубов и было написано «ЛЕС ХОУЛЭНД». Кейт долго возилась со своим дыроколом, потом всё-таки сообразила, как он работает, пробила билеты и вернула их оленихе.

И вправду несложно. Стало быть, поезд идёт в лес Хоулэнд. Где бы он ни находился. Кейт надеялась, что «Серебряная Стрела» знает сам.

Глава 9. Дикобраз против птички: кто кого?

В следующем купе сидели несколько птиц, две черепахи и какой-то зверёк с длинным туловищем и гладким лоснящимся мехом. Наверное, куница или хорёк. Всё третье купе занимал огромный медведь. В четвёртом сидел упитанный барсук – с которым Кейт уже встречалась, – в компании пятнистых скунсов, маленьких, но таких дерзких с виду, словно они не боялись вообще ничего в обозримой вселенной. Тут же под потолком висели вниз головой спящие летучие мыши.

Надписи на билетах были самые разные: ОСТРОВ УАЙТ, НИЖЕСИЛЕЗСКИЙ ЛЕС, БАМБУКОВЫЙ ЛЕС САГАНО... Кейт не знала, что это за места, но, судя по названиям, они были разбросаны по всему свету. Она не понимала, как можно объехать их все, да ещё и на поезде с паровозом, но считала себя не вправе задавать вопросы. Её дело – пробивать билеты, и она их пробивала.

Она приняла билет у большого кота – не домашнего кота, но и не самого крупного представителя семейства кошачьих. Он был частично пятнистым, частично полосатым, и его серая шерсть отливала оливково-зелёным.

– Спасибо, – вежливо сказал кот.

– Пожалуйста.

Может быть, это камышовый кот? Или рысь? Кейт совсем не разбиралась в диких кошках.

– Ты очень смелая девочка, раз решилась поехать на поезде, – сказал непонятно какой кот. – После всего, что случилось в прошлый раз.

Кейт удивлённо уставилась на кота. Ей хотелось сказать, что она не такая уж смелая, на самом деле, потому что ей неизвестно, что случилось в прошлый раз, и *о-чём-вообще-речь?!* Но она ничего не сказала. Ей предстояло проверить ещё кучу билетов.

В последнем купе обнаружилось ещё несколько куниц – или всё же хорьков? или, может быть, горностаев? – которые не хотели или не могли перестать гоняться друг за другом по кругу. Там же сидели

большая дикая индейка и волк, с виду страшный и злой, но, может быть, вполне милый и добрый, если узнаешь его поближе.

И вот всё готово. Кейт сделала глубокий вдох и прислонилась к стене в коридоре. Уф. Всё прошло хорошо.

И тут из соседнего пассажирского вагона донеслись громкие возмущённые крики. Кейт поспешила туда, на ходу поправляя свою кондукторскую фуражку. В первом же после тамбура купе, на багажной сетке под потолком, сидела ослепительно-белая птица с чёрной «шапочкой» на голове и оранжевым клювом. Она сердито глядела вниз на второго пассажира, которым оказался большой дикобраз.

– Спускайся немедленно! – сказал дикобраз. – И выметайся из моего купе!

– Нет.

– Это моё купе, и мне тут не нужна глупая крикливая птица!

– Не понимаю, чем я могу помешать!

– Если ты сейчас же не спустишься, я встану на задние лапы и...

– Дикобразы не встают на задние лапы, – сказала птица.

– Мы встаём! Ненадолго!

Но он не стал демонстрировать своё умение.

– Слушай, – сказала птица, – если мы договоримся, что я возьму себе багажную сетку и спинки сидений...

– Давай лучше договоримся, что ты уберёшься из моего купе, пока я не выщипал тебе все перья.

– Что тут у вас происходит? – строго спросила Кейт.

Она только вчера обнаружила, что животные умеют говорить, но ей уже захотелось, чтобы *некоторые* животные помолчали хоть полминутки.

– Я расскажу, что происходит, – насупился дикобраз. – У меня есть специальный билет на отдельное купе, а эта крикливая чайка, которая, кстати, питается всякими отбросами, не желает освободить помещение!

Дикобраз гордо показал Кейт свой билет, наколотый на одну из иголок.

– Ты демонстрируешь вопиющее невежество, – заметила птица. – Я не чайка. Я розовая крачка.

– Хорошо тебе...

– Мне хорошо, большое спасибо. И мы не питаемся отбросами. Мы питаемся рыбой. – Она приосанилась, насколько это возможно для

розовых крачек. – Мы прекрасные ныряльщики.

Кейт повнимательнее присмотрелась к билету дикобраза.

– Тут написано: «При наличии свободных мест», – сказала она. – Это значит, что отдельное купе предоставляется пассажиру, если в поезде есть свободные купе. Но сейчас таких нет.

– Это купе будет свободным, – возразил дикобраз. – Если вы уберёте отсюда это пернатое!

– Мне некуда её посадить, – твёрдо проговорила Кейт.

– Посади её к ястребам.

– Ястребы охотятся на крачек, – сказала птица.

Дикобраз пожал плечами:

– Такова жизнь.

– Какая жизнь?! Это верная смерть!

Они оба смотрели на Кейт. Невероятно, но они, кажется, ждали, что она разрешит их спор.

Дома ей никогда ещё не приходилось делать что-то подобное. Рядом всегда были взрослые – родители, учителя или кто-то ещё. А здесь ей надо справляться самой. Надо что-то придумать.

Но что?

– Может быть, – сказала она, обращаясь к дикобразу, – вам будет удобнее в библиотечном вагоне?

Глава 10. Библиотечный вагон

Это было рискованное предложение. Кейт ещё и сама не видела библиотечный вагон и даже не знала, где именно он находится. Она даже не была на сто процентов уверена, что он вообще существует. Но ничего другого ей в голову не пришло.

– Библиотечный вагон. – Дикобраз надолго задумался. Потом тяжело вздохнул, словно библиотечные вагоны оскорбляли его достоинство ежедневно, причём по несколько раз на дню. – Ну хорошо. Если нет других вариантов.

Его черно-белые иглы топорщились во все стороны, когда он выбрался в коридор, протиснувшись мимо Кейт. Она пошла следом за ним. Но старалась не подходить слишком близко. По пути они встретили Тома, который всё ещё был в пижаме.

– Может, сходишь в кабину, – предложила Кейт. – Вдруг там надо подкинуть угля.

Она не знала, послушается ли её Том. Обычно, когда она говорила ему что-то сделать, он либо не делал вообще ничего, либо делал наоборот. Но сейчас он только кивнул и направился в сторону паровоза.

Чудеса, да и только. Кейт вдруг поняла, что ей нравится быть кондуктором.

Кейт с дикобразом прошли через спальный вагон, через вагон-ресторан, через кухонный вагон, через второй кухонный вагон и через второй вагон-ресторан. Кейт уже начинала немного нервничать, когда они наконец открыли дверь в библиотечный вагон.

Надо отдать должное дяде Герберту: вагон получился на славу.

Это был тот самый тёмно-синий высокий вагон, который Кейт заприметила ещё утром. Все стены были увешаны книжными полками, от пола до потолка высотой метров в пять. Полки тянулись даже по окнам и по дверям. Пол покрывал мягкий красный ковёр, в центре стояли два кожаных кресла и большой длинный диван.

Здесь даже пахло как в библиотеке.

Ух ты, подумала Кейт. У меня здорово получается придумывать поезда!

Дикобраз огляделся.

– Сойдёт.

Он уселся в кресло и закрыл глаза.

– Я преимущественно ночное животное, – пояснил он.

И сразу уснул.

Кейт прошла по вагону, проводя пальцем по корешкам книг. Каждую полку перегораживала деревянная планка, чтобы книги не падали, когда поезд раскачивается на ходу; планки легко снимались, и можно было взять книжку. Всё было так, как себе представляла Кейт. И даже чуточку лучше!

Кейт читала названия на корешках. Книги были подобраны совершенно случайным образом: толстые, явно старинные тома в твёрдых переплётах; большие тонкие книжки-картинки; дешёвые издания в мягких обложках с такими затёртыми корешками, что на них уже не читались названия. Там были атласы-определители бабочек, обитающих в отдалённых частях света, и многотомные собрания писем людей с длинными, непроизносимыми именами, и любовные романы с полураздетыми героинями и героями на обложках, триллеры и ужастики с жутковатыми названиями, состоящими из одного слова вроде «Деревя» и «Листья», и серьёзные взрослые романы. Кейт сделала себе мысленную пометку, что потом надо будет их полистать на предмет интересных и/или плохих слов.

И то здесь, то там, словно лица друзей в толпе, на полках стояли те книги, которые нравились Кейт больше всего и подразделялись на две категории: книги о науке и истории о самых обычных людях, которые вдруг обнаружили, что волшебство существует.

Кейт взяла с полки обещавшую быть интересной книжку из второй категории и уселась с ней на диван. Минут через двадцать, когда главный герой должен был вот-вот понять, что в кошмарной школе-интернате, куда его перевели после внезапной и необъяснимой смерти родителей, есть ещё одна тайная – *подземная* – школа, куда можно попасть через шкафчик одного мальчика, который загадочным образом пропал без вести в прошлом году, Кейт почувствовала, что за ней наблюдают.

Это был кот – тот самый непонятно какой кот, не большой и не маленький. Кейт даже не слышала, как он вошёл. У него на голове были яркие чёрные полосы, почти как у барсука. Кейт стало по-настоящему интересно, что же это за кот.

– Извините, – сказала она. – Я вас не заметила.

– А я вас заметил.

– На секунду я приняла вас за диванную подушку.

– На секунду я принял вас за большого, беззащитного грызуна.

Кейт подумала, что, наверное, ей следовало бы встревожиться. Она была намного крупнее кота, но ей всё равно не хотелось с ним драться.

– Видимо, я зачиталась и ничего вокруг не замечала, – осторожно проговорила она.

– Наверное, это очень хорошая книжка.

– Она неплохая. Там много длинных описаний. Иногда я их пропускала. Вы её не читали?

– Нет, – сказал кот. – Я пришёл сюда не ради книжек.

– Да? А ради чего?

– Ради уединения. Мы, кошки, не социальные животные.

Кейт подумала, что, может быть, это намёк, что ей надо уйти. Но она пришла сюда первой. И это всё-таки её поезд. Так что она попыталась продолжить беседу:

– А вы какой кот? Ничего, что я спрашиваю?

– Ничего. Я виверровый кот. Кот-рыболов.

– Извините, но я уточню: это название вашего вида или просто вы лично любите ловить рыбу?

– Название вида. – Кот принялся вылизывать лапу. – Не удивительно, что вы о нас даже не слышали. Нас осталось немного, и мы не привлекаем такого внимания, как крупные кошки. Мы состоим в близком родстве с ржавыми кошками и суматранскими плоскоголовыми кошками – не самое удачное название, хотя, если по правде, головы у них плоские, да. И, наверное, поэтому сплюсненные мозги. Вы не поверите, но они едят фрукты. Коты едят фрукты! Также мы родственны бенгальским леопардовым кошкам.

– Это не то же самое, что леопарды?

– Нет.

Разговор вновь оборвался. Кейт пыталась придумать, что ещё можно сказать. Было сложно понять, о чём думает кот. Хотя так, наверное, бывает со всеми котами.

– А чем занимаются коты-рыболовы?

– Да чем обычно. Мы живём на болотах и в мангровых лесах. Мы охотимся. Плаваем. И, естественно, ловим рыбу.

– Подождите... Вы плаваете? Прямо в воде?

– Ну конечно! – Кот заметно оживился. Видимо, разговор стал ему интересен. – Нам нравится плавать. Другие кошки считают, что это странно, но нам всё равно. Тем более мы же не едим фрукты!

– Мне даже не верится, что вы плаваете!

– Ну... не хочу хвастаться. Тигры тоже неплохо плавают. Но мы, коты-рыболовы, плаваем больше и чаще. У нас водонепроницаемый мех. И смотри. – Кот вытянул лапу вперёд. – У нас между пальцами маленькие перепонки.

– Потрясающе!

Кажется, коту польстило её восхищение.

– А что вы имели в виду, когда говорили о поезде? Вы сказали, что в прошлый раз что-то случилось. Так что случилось? – спросила Кейт.

– О, я думал, вам всё рассказали, – ответил кот. – В рамках вашего обучения.

– Так в том-то и дело! Меня никто ничему не учил!

Может быть, ей и не стоило этого говорить, но слова вырвались сами.

– Правда? Как интересно. – Кот дёрнул тяжёлым хвостом, похожим на толстую бархатную верёвку. – Ну, это было ещё до моего рождения... Мы живём всего десять-пятнадцать лет. Но я знаю, что до этого поезда был другой, и однажды он отбыл и не вернулся. Не знаю, что с ним случилось, но вряд ли что-то хорошее.

Тут дверь открылась, и вошли ещё двое животных.

Вернее, одно не вошло, а вползло. Это была очень тонкая и очень длинная змея с пронизательными чёрными глазами и такой ярко-зелёной кожей, что она почти светилась. Кейт ощутила практически неодолимое желание бежать прочь со всех ног. Рядом со змеей важно вышагивала какая-то большая болотная птица с длинными ногами и изогнутой шеей. Кейт решила, что это, наверное, аист. Или цапля. Или журавль? Или это одно и то же? Вот так всегда – думаешь, будто знаешь хоть что-то о мире животных, а потом вдруг оказываешься с животными в одном поезде. В общем, это была очень большая и очень красивая птица. Из тех, каких видишь не каждый день.

– Вы не будете против, если мы составим вам компанию? – спросила птица. У неё были длинные, элегантные серые перья.

– Будем, – сказал кот.

– Какая жалоссссссссть, – сказала змея, плавно проскользнув в вагон. – Это вссссссссе потому, что я ядовитая, я понимаю.

Она заползла в кресло.

– Это расссссспросссссстранённый предрассссссссудок.

(Я не буду и дальше вставлять в слова лишние «с», просто имейте в виду, что змея шипит при разговоре.)

– Библиотечный вагон! – воскликнула цапля. – Какая прелесть! Кто бы мог подумать?!

Кейт мысленно просияла: она придумала этот вагон!

Цапля взмахнула огромными крыльями, взмыла вверх и уселась на люстру под потолком.

– У тебя вечно всё «прелесть», – пробурчала змея.

– А ты вечно всем недовольна, – сказала цапля, – вот мне и приходится восторгаться за двоих. Тем более что ведь действительно прелесть. – Она обратилась к Кейт: – А нет ли у вас рыбных вагонов?

– Я вот тоже хотел спросить, – сказал кот-рыболов.

– Таких нет, – сказала Кейт. Зачем бы ей было заказывать рыбный вагон?! – Но есть вагон-ресторан, даже два ресторана. Хотя бы в одном наверняка подают рыбу.

Дикобраз проснулся и сонно сощурился, глядя на кота, птицу, змею и человека.

– Предполагалось, что я здесь один, – пробурчал он.

– А здесь ещё мы! – воскликнула цапля. – Разве не прелесть?

– Я хочу, чтобы все уяснили, – сказал дикобраз, – что у меня на спине около тридцати тысяч иголок. Они предназначаются для защиты, но поверьте мне на слово, они смертельно опасны.

Остальные животные переглянулись.

– Не знаю, как вы, а я прямо очень боюсь. – Кот перевернулся на спину и потянулся в точности как домашняя кошка. Он почему-то не выглядел очень испуганным.

– Я тоже, – сказала змея. – Я бы зажмурилась в ужасе, но у меня нет век на глазах.

– Правда? – удивилась Кейт. – Разве такое бывает?

– Вместо век у меня на глазах прозрачные чешуйки. Так элегантнее.

– И вам никогда не хотелось закрыть глаза?

– Никогда, – сказала змея. – Зато мне нравится их облизывать.

– Не хочу хвастаться, – сказала цапля, – но у меня по три века на каждом глазу.

– Как так?! – ещё сильнее удивилась Кейт.

– А вот так! Верхнее веко, нижнее веко и мигательная перепонка.

– Я даже не слушаю, что она говорит, – сказала змея. – Потому что у меня нет ушей. И носа тоже. Я нюхаю языком.

Кейт и не думала, что у животных так много странностей.

– Сегодня я горько жалею, что отрастил себе уши в ходе эволюции, – сказал дикобраз.

– Может быть, почитаете книжку? – предложила Кейт. – Здесь, в библиотечном вагоне, много разных хороших книг!

– Было бы здорово, – сказал кот, – но мы не умеем читать.

Клац-клац.

ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ, ЧТО ПРЕРЫВАЮ
ТАКОЙ УВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ РАЗГОВОР

НО ДЕЛО ПРЕЖДЕ ВСЕГО

Поезд опять замедлял ход. Они подъезжали к очередной станции.

– Мне надо идти. – Кейт вскочила с дивана даже с некоторым облегчением. – Было приятно с вами пообщаться.

Она быстро ушла, хотя, если честно, всерьёз опасалась, что животные поубивают друг друга, если оставить их без присмотра.

Чуть позже она призадумалась, кто из них победит, если они всё-таки подерутся. И решила, что, наверное, дикобраз.

Глава 11. Малыш, похожий на сосновую шишку

Пейзаж за окнами изменился. Зимний лес остался позади, теперь они ехали по лесу, больше похожему на тропические джунгли. Когда Кейт открыла дверь тамбура и выглянула наружу, что само по себе было волшебным: на полном ходу высунуть голову из открытой двери поезда, и кондуктор тебя не ругает, *потому что ты и есть кондуктор*, – воздух был тёплым и влажным и пах сочной зеленью.

Платформа станции, сплошь заросшая папоротниками и лианами, была усыпана гигантскими листьями. Вокруг росли пальмы, между шпалами пробивались зелёные побеги. На перроне ждали две крупных змеи, игуана, пара удивительных обезьянок с золотистым мехом и яркими лицами, словно выкрашенными розовой краской из баллончика, и кто-то похожий на маленького бегемотика с длинным носом. Кейт подумала, что это, наверное, тапир. Были там и лягушки, разноцветные и глянцевого, как леденцы.

Отовсюду доносились звонкие птички трели, сквозь густую листву сочился удивительный прозрачно-зеленоватый свет. На платформе был установлен щит с названием станции: ТУМУКУМАКИ. Уже потом, гораздо позже, Кейт узнала, что это национальный парк в Бразилии, расположенный на территории дождевых лесов Амазонии.

Кейт подумала, что надо бы объявить станцию, но она даже не знала, как правильно произносится это название. Она произнесла его несколько раз, с ударением на разных слогах, чтобы уж наверняка не ошибиться. Один из вариантов, по всей видимости, был правильным, потому что несколько животных тихо вышли из своих купе и спустились на платформу.

Перед следующей остановкой – в бамбуковой роще – Кейт успела сбежать в вагон-ресторан и съесть банан. Потом была остановка в лесу гигантских секвой, а затем – на пыльной равнине под безжалостно жарящим солнцем. Было так жарко, что Кейт пришлось снять пиджак.

Здесь в поезд сели лишь две диких собаки и крошечная черепашка, которой понадобилось, наверное, не меньше получаса, чтобы пересечь платформу. Кейт начала потихонечку разбираться в деталях, и у неё

появилось время – и силы! – на размышления о ситуации в целом. И как только она начала размышлять, у неё в голове вихрем закружились вопросы. Как паровоз добирается до всех этих станций? Почему о нём никто не знает? Он что, невидимый для людей? Кто проложил эти рельсы? Кто продаёт животным билеты? И ещё миллион вопросов. Но она не задавала их вслух, боясь потревожить некое хрупкое волшебство. Ей казалось, что если его потревожить, всё развеется, будто сон, исчезнет так же загадочно и внезапно, как появилось.

Ей хотелось, чтобы приключение продолжалось как можно дольше. Но она понимала, что рано или поздно вопросы всё же потребуют ответа.

Следующая остановка произошла в ещё одном влажном тропическом лесу. Когда все пассажиры сошли с поезда или, наоборот, сели в поезд, на платформе осталось одно одинокое животное.

Поначалу Кейт даже не поняла, точно ли это животное. Оно было похоже на сосновую шишку: крошечное, коричневое и круглое, с заострёнными на кончиках, перекрывающими друг друга чешуйками. Но, присмотревшись внимательнее, Кейт разглядела четыре лапки, хвост и крошечную мордочку с закрытыми глазками. Свернувшись тесным клубочком, малыш крепко спал.

Кейт не хотелось брать в руки непонятное дикое животное. Но она видела, что у него есть билет: малыш крепко держал его в крошечных когтистых лапках, прижимая к животу.

И он выглядел таким беспомощным. Это действительно был детёныш, ещё совсем маленький и один-одинёшенек.

Кейт вздохнула. Вздох получился тяжёлым.

– Ну что ж...

Она осторожно взяла его в руки, очень надеясь, что он её не поцарапает, и не укусит, и не описается ей в ладони, и быстро занесла его в поезд. Его чешуйки были шершавыми и сухими. Паровоз запыхтел, поезд тронулся и отъехал от станции.

Кейт принесла малыша в библиотеку. Она совершенно не представляла, что с ним делать. Дикобраз, кот, цапля и змея всё ещё спорили, но замолчали, когда вошла Кейт.

– Кто-нибудь знает, что это такое? – спросила она.

Кот прищурился.

– По-моему, это сосновая шишка.

– Я сперва так и подумала, – сказала Кейт.
– Или артишок, – добавил кот.
– Нет, это не артишок. Это какое-то животное.
– Это детёныш панголина, – сказала цапля.
– Я, конечно, не так много знаю о мире животных, – сказала Кейт, – но мне кажется, что пингвины выглядят по-другому.
– Не пингвин, а панголин. Единственное в мире млекопитающее, покрытое чешуёй. Панголины – очень редкие животные.
– Замечательно. – Кейт бережно положила малыша на диванную подушку. – Поздравляю, у вас новорождённый панголин. Позаботьтесь о нём хорошенько.
Она поспешила уйти, прежде чем кто-то успел возразить. Она решила сходить в кабину, проверить, как там Том и паровоз.
Том был жив и здоров, но он весь вспотел и перепачкался в угольной пыли.
– По-моему, кому-то надо сходить в бассейн, – сказала Кейт.
– Клац, – сказал Том. – Клац-клац.
Клац-клац!

У МЕНЯ ВСЁ В ПОРЯДКЕ, СПАСИБО

НО ТОПЛИВО УЖЕ НА ИСХОДЕ

Кейт почти и забыла, что паровоз умел говорить. Когда у тебя столько дел, тебе есть чем занять свои мысли и без говорящих паровозов.

– Топливо на исходе. Кажется, это важно. – Она смутно припомнила, что дядя Герберт о чём-то таком говорил. – Что надо делать?

ПОКА НИЧЕГО

НО СКОРО ПРИДЁТСЯ ОСТАНОВИТЬСЯ
И ПОПОЛНИТЬ ЗАПАСЫ

Один из уроков, который Кейт усвоила в поезде, был таким: когда возникает проблема, её надо решать. Дома она не решала проблемы, она просто их не замечала и дожидалась, когда их заметят родители и

решат всё за неё, – но здесь родителей не было. Здесь она была главной, и вся ответственность лежала на ней.

Бежать от проблем проще, чем их решать, это факт. Но если их не решать, то проблемы накопятся и ты в них зароешься с головой. Лучше всё делать сразу, не откладывая на потом.

Тем временем «Серебряная Стрела» устроил Кейт с Томом очередное занятие по управлению паровым локомотивом и объяснил, как запускать двигатель после полной остановки. В одном паровоз оказался прав: он был очень хорошим учителем. Он научил ребят разбираться в показаниях датчиков давления пара и уровня воды в котле. Они ещё раз «прошлись» по тормозам и регулятору давления пара, и паровоз показал им загадочное, но очень важное устройство под названием «реверсивный рычаг», который контролировал количество пара, поступающего в цилиндры.

Что-то вроде того.

– Я думала, что за количество пара отвечает регулятор давления, – сказала Кейт.

ТУТ ТОТ ЖЕ ПРИНЦИП, ЧТО И В КОРОБКЕ
ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ ПЕРЕДАЧ В АВТОМОБИЛЕ

– Я не разбираюсь в устройстве автомобилей.

ЛАДНО, КАК ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ СКОРОСТЕЙ НА
ВЕЛОСИПЕДЕ – ТАК, ПОГОДИТЕ

ГМ

– Гм? – переспросил Том. – Что значит «гм»?

ВПЕРЕДИ СТАНЦИЯ

– Ну хорошо...

НО ЕЁ НЕТ В РАСПИСАНИИ

– Кстати, а можно мне посмотреть расписание? – спросила Кейт.

НЕТ

– Ладно, и что нам делать?

ТЫ СПРАШИВАЕШЬ У МЕНЯ?
КТО ТУТ КОНДУКТОР?

Кейт хотела сказать: *А кто тут паровоз?* – или: *Откуда мне знать?* – или, может: *Том тоже кондуктор!* Но она ничего не сказала. Не смогла сказать. Кейт не просила, чтобы её назначали кондуктором в волшебном поезде, но в глубине души она знала, что чего-то такого ей и хотелось. Не детских игрушек, а чего-то реального. По-настоящему важного. И смотрите: она получила именно то, что хотела.

И когда ещё в самом начале дядя Герберт кричал, чтобы она выбралась из паровоза, Кейт его не послушалась. И теперь она рассудила так: если не знаешь, что делать, действуй наугад – на основе того, что знаешь, – и будь готова принять последствия.

Может быть, это был самый важный жизненный урок, который ей предстояло усвоить во время волшебной поездки. И, наверное, это нормально, хотя Кейт надеялась, что в дальнейшем подобных уроков будет не много.

– Ладно, давайте остановимся, – сказала она. – И выясним, что происходит.

Глава 12. Кейт выясняет, что происходит

Они с Томом сбросили давление пара, применили реверсивный рычаг – с ним пришлось повозиться – и нажали на тормоз. Кейт взяла дырокол для билетов, поправила свою кондукторскую фуражку и пошла в пассажирский вагон.

Теперь они ехали по сосновому лесу, где пахло очень приятно – так же пахло у них в гараже, когда Кейт разлила скипидар. Поезд остановился у простой бетонной платформы, и Кейт опустила большой латунный рычаг, открывающий двери.

Что-то было не так. Обычно на станциях стояли щиты с их названиями, но здесь такого щита не было.

На платформе замерли в ожидании шесть или семь серых белок, огромный свин с серой лохматой шерстью и две коричневых змеи. И на земле, и на ветвях, нависающих над перроном, сидели какие-то чёрные птицы с едва заметными радужными переливами на крыльях, напоминавшими плёнку бензина, разлитого в луже.

Кейт знала, что это за птицы. Воробьи... Нет, не воробьи, а скворцы! Да, точно скворцы. Никто даже не шелохнулся. Все молча смотрели на Кейт.

Только теперь Кейт заметила ещё одну странность. Ни у кого из них не было билетов.

– Э... всем привет, – сказала она.

Огромный свин вышел вперёд и встал прямо перед ней. Он и вправду был очень большим, ростом с Кейт, и совсем не походил на домашнюю свинку. Сплошная гора крепких мускулов и ни грамма лишнего жира.

Это не просто свинья, подумала Кейт. Это дикий кабан. Она никогда в жизни не видела дикого кабана, да ещё так близко. У него были крошечные злые глазки, влажный нос и огромные жёлтые бивни, торчащие вверх.

Кейт тихонько откашлялась.

– Предъявите билеты!

Кабан просто стоял и смотрел на неё. Кейт опять обратилась к нему:

– Мне очень жаль, но без билета в поезд нельзя.

– У меня нет билета, – произнёс кабан низким глубоким голосом.

– В таком случае, – медленно проговорила Кейт, – вы никуда не поедете.

– Значит, у вас проблемы.

Кейт нахмурилась. Ей совершенно не нравился этот кабан.

– Мне очень жаль, – сказала она, – но, по-моему, проблемы у вас.

– Судя по голосу, тебе вовсе не жаль, – заметила одна из белок.

Вот, значит, как, подумала Кейт и скрестила руки на груди, старательно напустив на себя строгость, хотя внутри всё тряслось.

– Мне действительно очень жаль, но правила устанавливаю не я. Если вам надо ехать, тогда раздобудьте себе билеты и возвращайтесь на станцию. Мы скоро опять тут проедем.

Она сказала неправду – она вовсе не думала, что поезд вернётся на эту станцию, – но ей хотелось скорее закончить неприятный разговор. Она вернулась в тамбур и закрыла двери.

Вернее, попыталась закрыть, потому что кабан просунул огромную голову в дверной проём, не давая дверям закрыться. У него были большие лохматые уши и совсем не было шеи.

– Мне не нужен билет, – сказал он. – Мне нужно ехать. Давай-ка будь умницей и открой дверь.

Они с Кейт уставились друг на друга. Кажется, кабану совсем не мешало, что его голова сжата дверями. Кейт подумала: нет, правда, кому будет плохо, если она пустит в поезд этих животных? Ей же не нужны их деньги. (Если у животных вообще есть деньги. Кейт опять сделалось любопытно, где именно животные берут билеты.) К тому же кабан был раз в пять тяжелее её самой и, наверное, мог бы убить её за пять секунд, даже с учётом убойной пинательной силы её новых ботинок с металлическими набойками.

Одна из коричневых змей просунула голову между копытами кабана.

– Послушай, я вижу, что ты в затруднительном положении. – У змеи был спокойный и рассудительный, почти сочувственный голос. – У вас очень плотное расписание. Вам уже надо ехать, чтобы нигде не опоздать. Но дело в том, что у нас куча времени, нам спешить некуда, и

мы не дадим этому поезду отойти от перрона, пока нас не пустят внутрь. Ты всё равно проиграешь, так почему бы не сберечь своё время и не впустить нас сразу?

– Уж доверься нам, девочка, – сказала одна из белок, – лучше не создавать себе лишних проблем.

Уступить было бы проще – Кейт по опыту знала, что уступать всегда проще. Проблема в том... А, собственно, в чём проблема? У Кейт было стойкое ощущение, что в происходящем есть что-то неправильное. Это её поезд. Ей его подарил дядя Герберт. Это первая вещь в её жизни, за которую она несла ответственность. В поезде существовали определённые правила: всем пассажирам нужны билеты. Может быть, это глупое правило, но здесь всё решает она, а не эти животные. И пришло время решить, позволит ли Кейт, чтобы ею помыкали.

Стоило ей сформулировать эту мысль, и она поняла, что уже всё решила.

– Я вам не доверяю, – сказала она. Она очень старалась, чтобы её голос звучал твёрдо, но он всё равно чуть дрожал. – И я не создаю себе никаких проблем, это вы создаёте проблемы. Отойдите от моего поезда. Сейчас же.

Кейт указала рукой наружу, чтобы кабан точно понял, куда ему отойти. Она смотрела прямо в его крошечные оранжевые глаза и жалела, что рядом нет Тома.

Кабан не сдвинулся с места. Он набычился и прохрипел:

– *ХРРРРЮ!*

Звук был оглушительным, как грохот взрыва. Кейт в ужасе отскочила на метр назад.

– *ХРЮ! ХРЮ! ХРЮ! ХРРРРЮ!*

Кейт привыкла, что животные в поезде ведут себя вежливо и культурно. Она почти и забыла, что это дикие создания. Неприрученные. Опасные. Кабан пытался протиснуться в полужакрытые двери. Он яростно тряс головой с этими жуткими клыками, и Кейт попятилась ещё дальше. Она думала, что ей хочется приключений – но ей даже в голову не приходило, что это будет так страшно! Она не подумала, что когда приключения начнутся, то нельзя знать заранее, чем всё закончится! Не исключён и такой вариант, что

тебя насмерть затопчет разъярённый кабан и ты никогда не вернёшься домой и не увидишь родителей...

– Ты что творишь, боров? А ну-ка освободи двери!

Голос раздался у Кейт за спиной.

Она не осмелилась оглянуться, не решилась отвести взгляд от кабана. Но у неё на глазах происходило невероятное. Крошечные кабаньи глазки широко распахнулись, и на его злобной морде появилось выражение, которого Кейт уж никак от него не ожидала.

Это был страх. Кейт всё-таки оглянулась. У неё за спиной стоял дикобраз.

Его чёрно-белые иглы угрожающе трещали и топорщились во все стороны, как огромный колючий воротник. Кейт не нравился дикобраз, он был грубым, угрюмым и вообще неприятным, но сейчас она обрадовалась ему, как не радовалась никому в жизни.

Дикобраз шагнул вперёд. Кабан попятился... и Кейт захлопнула дверь у него перед носом.

Паровоз запыхтел. Поезд тронулся с места. У Кейт подогнулись колени. Она тяжело села на пол.

– Спасибо, – прошептала она.

– Всегда пожалуйста.

– Мне не хотелось пускать его в поезд! – Кейт обняла себя за плечи.

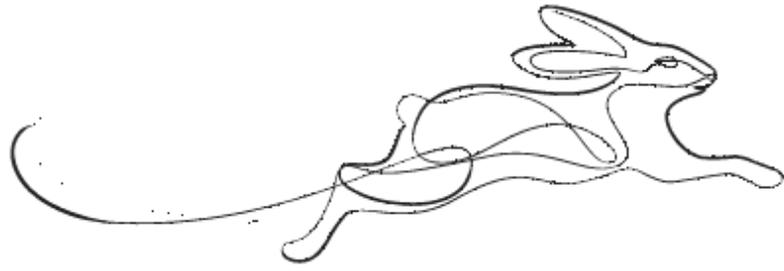
– И правильно, что не хотелось, – сказал дикобраз. – Ему здесь не место.

Его иглы уже не топорщились, а лежали. Кейт подумала, что он, наверное, может ими управлять.

– Хорошо, что не пришлось колоть его иглами. – Дикобраз был на удивление спокоен. – Они бы вырвались, а чтобы отрастить обратно добротную иглу, нужна не одна неделя.

– Вам не больно? Когда у вас вырываются иглы?

– Немножко больно. Как вырвать шерстинку. Знаешь что, девочка, а пойдём-ка в вагон-ресторан. Ты какая-то бледная. Бьюсь об заклад, ты сегодня ещё не обедала.

Глава 13. Станция, которой не было

Кейт вошла в вагон-ресторан и удивилась, увидев, что все животные из библиотеки – кот-рыболов, зелёная змея и цапля – сидят за одним столом и беседуют, как старые друзья. Видимо, их сплотила необходимость заботиться о малыше панголине.

Он по-прежнему крепко спал, но ему устроили уютное гнёздышко в вазе для фруктов. Все над ним ворковали и гладили его по очереди.

– Всё хорошо? – спросила цапля.

– Всё замечательно, но не благодаря вам. – Дикобраз оставался поразительно невозмутимым после стычки с кабаном. Кейт решила, что он, наверное, привычен к таким столкновениям. – Как малыш?

– Он просто прелесть! Самый милый из всех детёнышей не-цапель, каких мне доводилось встречать!

– Тсссс! – прошипела змея. – Ты его разбудишь.

Кейт по-прежнему старалась держаться от змеи подальше, даже рискуя показаться невежливой.

– Откуда вы знаете, что это мальчик? – спросила она. – Может быть, это девочка.

Животные уставились на неё во все глаза.

– Она их не различает, – прошипела змея.

– Видимо, это умение доступно только животным, – сказала цапля.

– Люди тоже животные, – заметила Кейт.

– Конечно, животные, – сказал кот-рыболов. – Но вы так упорно стараетесь притвориться, будто вы не животные, что утратили всякие навыки.

Цапля тактично сменила тему:

– А вы знаете, что детёнышей панголинов иногда называют панголиками?

– Какое глупое название, – прошипела змея.

– Это точно, – кивнул кот-рыболов.

– А детёнышей дикобразов иногда называют дикобразятами. – Дикобраз сморщился от отвращения. – Не понимаю, зачем людям надо выдумывать названия для всех и вся. Тем более что получается у них плоховато. Электрический угорь... он ведь даже не угорь. В Австралии

есть паук, которого обозвали «сверкающий маффин». Хорошо хоть не «блестящий коржик»!

– Или вот бабочка «мёртвая голова», – сказала змея. – Такая красивая бабочка, и такое жуткое название.

– И вовсе не жуткое, – возразил кот. – Мне бы хотелось, чтобы меня называли «мёртвая голова». Замечательное название. И потраченное впустую на какое-то насекомое.

– Я не понимаю, что сейчас произошло. – У Кейт до сих пор дрожал голос. – Что там были за животные?

– На той станции? – уточнил дикобраз. – Это захватчики.

– Они собирались захватить поезд?

Животные переглянулись друг с другом.

– Видишь ли, в чём дело, – сказала цапля. – У любого животного есть своё место для жизни и своё место в порядке вещей. Ты охотишься на кого-то, кто-то охотится на тебя. Иногда это жестоко, но так сохраняется природное равновесие. Но иногда какое-нибудь животное покидает своё место в мире и переселяется на новое место. Которое для него вовсе не предназначалось. Обычно такое животное вымирает, потому что климат ему не подходит или ему нечего есть, – но иногда может и повезти, и оно окажется в таком месте, где много сытной добычи и где никто на него не охотится. И что тогда происходит, как думаешь?

– Я не знаю, – сказала Кейт. – Оно становится толстым, довольным, а потом умирает от старости?

– Оно ест всё, что видит! Его популяция растёт, пока в тех краях не останется никого, кроме него самого!

– Ясно. И те животные, которые пытались проникнуть в поезд, они именно из таких?

– Да!

– Обыкновенная невоспитанность, – сказала змея. – Надеюсь, ты их уколол.

– Не успел, – сказал дикобраз. – Хотя надо было бы уколоть!

– Но там были обычные скворцы, – сказала Кейт. – Ну, вы знаете скворцов... Маленькие безобидные птички.

В ответ животные зашипели, зарычали и возмущённо заклекотали.

– Я тебе расскажу о безобидных скворцах! – фыркнул дикобраз. – Скворцы изначально родом из Европы. Где они и должны оставаться.

Но один олух вбил себе в голову, что надо перевезти в Северную Америку все виды птиц, упоминающиеся в пьесах Шекспира.

– Кто такой Шекспир? – спросил кот-рыболов.

– А вообще классная мысль, – сказала Кейт.

– Нет, не классная! Это была катастрофа! Этот олух выпустил в Нью-Йорке шестьдесят европейских скворцов, они быстро размножились и теперь расселились по всей Америке. Их там около двухсот миллионов!

– Ладно, а белки? – спросила Кейт. – Маленькие и пушистые серые белочки!

– С ними всё получилось наоборот, – сказал дикобраз. – Серые белки родом из Америки. Один английский турист привёз домой несколько штук, потому что ему показалось, что они будут мило смотреться в его загородном поместье. Мило! В Англии им раздолье. Они едят птиц, губят деревья и довели местный вид рыжих белок до практически полного вымирания.

Кейт обдумала услышанное. Вроде бы у людей, перевозивших животных, не было каких-то дурных намерений. Наоборот, им хотелось как лучше. И эта идея с птицами из Шекспира по-прежнему казалась ей очень классной. Но посмотрите, что получилось! Хрупкий природный баланс был нарушен. Но разве нельзя было вернуть пришлых животных обратно и начать всё сначала? На этот раз осторожнее? Хотя как изловить двести миллионов скворцов? Кейт сомневалась, что сумела бы поймать хоть одного скворца.

Или белку. Пути назад уже нет. Равновесие утрачено навсегда.

Кейт вздохнула. По крайней мере, ей удалось не пустить их в поезд.

– А что тогда делают в поезде все остальные животные? – спросила она. – Те, у кого есть билеты. И, кстати, где вы берёте билеты?

– Они появляются сами собой, – сказала цапля. – Я нашла свой билет у себя в гнезде, когда вернулась с охоты.

– Мой был в рыбе, – сказал кот. – Я его чуть не съел.

– Мой рос на дереве, как лист, – сказала змея. – Наверное, их выпускает тот, кто заводит поездами. Или они выпускаются сами.

– Но зачем? – спросила Кейт. – В смысле зачем вам билеты? Ведь вы не захватчики, да?

– Конечно, мы не захватчики. – Цапля вдруг почему-то смутилась. – Мы просто... ну, знаешь... мигрируем. Что-то вроде того. Ты наверняка знаешь, что так делают многие животные.

Все остальные животные за столом как-то странно притихли, и Кейт показалось, что цапля чего-то недоговаривает. Но поезд опять замедлял ход.

– Ладно, – сказала Кейт, – жаль, что приходится уходить, но, кажется, мне пора проверять билеты.

По дороге к пассажирским вагонам она взглянула в окно и обомлела: поезд ехал прямо по морю. Повсюду, насколько хватало глаз – только серые волны и ни одного пятка земли. Студёный воздух пах солью, и Кейт снова надела свой серый кондукторский пиджак, потом немного подумала и сходила за зимним пальто.

«Серебряная Стрела» остановился посреди моря. Кейт огляделась в поисках станции, но станции не было. Волны бились о колёса поезда. Это какая-то ошибка? Они случайно проехали станцию? Или, наоборот, не доехали? Кейт высунулась наружу, посмотрела вперёд и назад. Ничего.

Холодный ветер растрепал ей волосы. Её дыхание вырывалось изо рта облачками белого пара.

И на чём вообще держатся рельсы? Кейт глянула вниз, но не увидела ничего, кроме волн. Понтоны? Подводный горный хребет? Её охватило то же тревожное чувство, что и на прошлой станции: что-то было не так.

Нам надо ехать, подумала Кейт и закрыла двери. Но едва поезд тронулся, снаружи раздался крик.

– Стойте! – Это кричал Том, причём откуда-то издалека, с самого конца состава. – Остановите поезд!

И что теперь? Кейт снова высунулась наружу и увидела, что Том стоит на плоской платформе, отчаянно машет руками и указывает на что-то в воде. Кейт бросилась к нему со всех ног.

Когда она выскочила на платформу, Том сидел на корточках на самом краю и что-то высматривал в море. Кейт присела рядом.

– Я его видел, – сказал он. – Буквально секунду назад.

– Что там?

Том покачал головой:

– Я не знаю. Там что-то было...

Что-то белое и большое с шумом вынырнуло из воды и рванулось к ним. Кейт отпрянула от испуга и свалилась на спину. На мгновение ей показалось, что это огромная акула выпрыгнула из воды, чтобы целиком проглотить их обоих.

Но никто её не проглотил. Это была не акула, а белый медведь.

Нет, не медведь, а медведица. Кейт почему-то сразу поняла, что это медведица.

Она была очень худой, измождённой – она отчаянно била лапами, стараясь удержать нос над водой. Медведица рванулась из последних сил и сумела положить голову и передние лапы на край платформы.

Кейт с Томом вцепились двумя руками в её густой, мокрый и очень холодный мех и потянули на себя изо всех сил. Медведице удалось забросить на платформу одну заднюю лапу, и Кейт потянула и за неё тоже. Поначалу казалось, что у них с Томом ничего не выйдет и медведица не удержится на платформе, но у неё всё-таки получилось вскарабкаться на деревянный настил, и все трое упали, тяжело дыша, на намокшие доски.

Кейт поцарапала голень о край платформы, ссадину жгло как огнём. Медведица вся промокла насквозь. Несмотря на свою невероятную тяжесть, она была очень худой. Из-под кожи буквально торчали рёбра. Она лежала и не шевелилась. Кейт даже не была уверена, что она жива.

– Я очень надеюсь, что у тебя есть билет, – сказала она.

Глава 14. Том был прав

Кейт пробежалась по пассажирским вагонам и позвала на помощь всех животных, достаточно крупных и сильных, чтобы сдвинуть белую медведицу с места. Она вернулась с двумя бурыми медведями, пумой и компанией очень решительных барсуков. Все вместе они перекатали медведицу на одеяло и оттащили в пустой багажный вагон. Кейт подумала, что, наверное, они не смогли бы её сдвинуть, если бы она не отошала от голода.

Но у неё был билет, зажатый в мощной пасти.

Кейт осторожно вытащила билет и пробила его дыроколом. Ей никак не давала покоя тревожная мысль, что здесь что-то не так, но что именно – она не знала. Она принесла полотенца и ещё несколько одеял из спального вагона, и они с Томом вместе, как могли, вытерли белую медведицу, чтобы та скорее высохла и согрелась. Потом Кейт сходила в кухонный вагон, взяла ведро рыбы и большую миску с водой и поставила их на подносе рядом с медведицей: когда та проснётся, ей надо будет поесть.

Перед тем как уйти, Кейт притронулась к холодному боку медведицы. Её мех был жёстким как проволока.

– Теперь всё хорошо, – сказала Кейт. – Ты в безопасности.

Она очень надеялась, что так и есть.

Уже подошло время ужина, и Кейт отправилась в вагон-ресторан, где уже собралась вся компания из библиотеки. Том тоже пришёл. Настроение было понурое.

– Надеюсь, что с ней всё будет хорошо, – сказала Кейт.

– Конечно, всё будет хорошо, – сказала цапля.

– Белые медведи – крепкие звери, – сказал кот. – Их трудно убить.

– Я, наверное, могла бы убить белого медведя, – задумчиво проговорила змея. – Но зачем? Съесть-то я его не смогу.

Все уставились на неё.

– Я тоже надеюсь, что с ней всё будет в порядке.

Кейт вдруг пришло в голову, что они так и не познакомились по-настоящему. Так, как принято у людей. Поэтому они с Томом немного рассказали животным о себе: кто они и откуда, – и животные тоже рассказали о себе.

Змея оказалась узкоголовой мамбой из Южной Африки. («Вот, кстати, тоже дурацкое название. Мамба! Я с трудом это произношу! Только создания с губами могли до такого додуматься».) Она жила на деревьях и редко спускалась на землю. Мамба особенно подчеркнула, что, несмотря на свою устрашающую репутацию, она довольно застенчивая и обычно не нападает, если её не беспокоить.

Птица – белобрюхая цапля – обитала на какой-то реке в Индии. Она была ростом около метра и невероятно красивой – с длинной изогнутой шеей, оперением, переливавшимся всеми оттенками серого, серебристым хохолком на макушке и, как явствовало из названия, ослепительно-белым брюшком.

– Раньше нас называли большими индийскими цаплями, или императорскими цаплями, – сказала она. – Непонятно, зачем было менять такие хорошие названия.

Кейт воспользовалась возможностью задать ей вопрос, который давно не давал ей покоя: как цапли ходят с коленями, согнутыми назад? Как оказалось, колени у цапель гнутся только вперёд, в точности как у людей, просто они не видны под перьями. То, что все принимают за их колени, это на самом деле голеностопные суставы, а то, что все принимают за нижнюю часть ноги, это длинная тонкая стопа.

Это объяснение обескуражило Кейт ещё больше.

– Я всегда думала, что если когда-нибудь встречу с говорящими животными, это будут кролики или мыши, – сказала она. – Только, пожалуйста, не обижайтесь.

– Мы не обижаемся, – сказал дикобраз (который был самым обыкновенным, хоть и на редкость угрюмым североамериканским дикобразом из Мичигана). – Хотя тебе повезло, что мы не кролики и не мыши. И те, и другие донельзя скучные. Говорят только о зёрнах и овощах.

На ужин цапля и кот взяли рыбу. Дикобраз съел большую охапку свежего клевера и закусил веточкой. Мамба не ела вообще ничего.

– Я проглотила песчанку несколько дней назад, – пояснила она, – и до сих пор перевариваю. К тому же другим животным лучше не наблюдать за питанием мамбы. Для них это жуткое зрелище.

– Наверное, потому что вы впрыскиваете в добычу кошмарный яд, вызывающий удушье, – сказал дикобраз.

– Не только удушье! – сказала мамба. – Яд мамбы вызывает головокружение, тошноту, затруднение глотания, тахикардию и судороги! Хотя смерть действительно наступает в результате удушья. Как правило.

– По-моему, это ужасно.

– Ты просто завидуешь, – сказала змея, – что у тебя нет ядовитых зубов.

На этом месте у Кейт совершенно пропал аппетит, она извинилась и сказала, что пойдёт спать. Она и вправду ужасно устала, и ей надо было ещё найти пластырь, чтобы заклеить ссадину на ноге. И она очень переживала за белую медведицу. И тревожилась из-за животных-захватчиков. И беспокоилась из-за того, что запасы угля подходили к концу. Когда всё начиналось, она думала, что они просто прокатятся на паровозе – вроде как в парке аттракционов, – и отчасти так оно и было, но оказалось, что приключение – это ещё и тяжёлый труд. И большой стресс.

Том тоже поднялся из-за стола, но направился к противоположному тамбуру.

– Спальный вагон в той стороне, – сказала Кейт.

– Я знаю, – ответил Том. – Но мне нужен конфетный.

Кейт почти забыла о конфетном вагоне. Она страшно устала – но всё-таки *не настолько*, чтобы отказаться от конфет.

Кейт даже не знала, где именно находится конфетный вагон, но, как оказалась, пока она сама сидела в библиотеке, Том – с его обычной неуёмной энергией – обследовал весь состав. Снаружи конфетный вагон выглядел как обычный багажный, выкрашенный в красный цвет и даже чуточку тронутый ржавчиной, но внутри он был залит ярким светом и переливался всеми цветами радуги. Как только Том открыл дверь, изнутри пахнуло густой карамельной сладостью. Все стены от пола до потолка были заняты застеклёнными полками, буквально ломившимися от конфет. Всё это напоминало пещеру сокровищ из сказки об Аладдине, объединённую с конфетным отделом в большом супермаркете и умноженную на миллион.

Чего там только не было! Целые связки леденцов на палочках, и большие рулоны чёрной и красной лакричной верёвки, и целые бочки с кубиками карамели, и фруктовые жевательные ириски, и кислые мятные леденцы, и драже, и орехи в меду, и полосатые карамельные

посохи, и грильяж, и мармеладные фигурки, и хрустящая кукуруза в карамели, и зефир, и пастила. Тут же стоял аппарат, выдающий железные мармеладки любого вкуса, который ты сам задаёшь на экране. Были там и шоколадные батончики, причём абсолютно любые, какие захочешь. А уж сколько там было разного шоколада! Молочный и белый, пористый и тёмный. Плитки с самыми разными начинками и слитки цельного шоколада в золотой или серебряной фольге. И шоколадные конфеты! С вишней и карамелью, с орехами и нугой, со сливочным кремом, с кокосовой стружкой – со всем, что только можно вообразить, и ещё чуточку сверх того.

Всё было разложено по сортам, вкусу и цвету, аккуратно, как в библиотеке. И всё – абсолютно бесплатно, всё только для них.

– Ты смеялась, когда я заказывал конфетный вагон, – сказал Том.

– Ну... да.

– Тебе было смешно.

– Да, я была не права! А ты прав! И не нужно тыкать меня носом! – Её всегда жутко бесило, когда Том оказывался прав. Но сейчас она не могла не признать, что он отлично придумал с конфетным вагоном. – Ладно, давай посмотрим, сможем ли мы перепробовать всё, что тут есть, за один раз. Кроме всего, что с кокосом. Всё, что с кокосом, бери себе. – Кейт ненавидела кокосовый вкус почти так же сильно, как ненавидела правоту Тома.

Но в тот вечер она не попробовала даже все шоколадные конфеты, не говоря уже об остальном. А Том прилип к аппарату с жележными мармеладками и не отошёл, пока не объелся до такой степени, что в него больше не лезло.

Из конфетного вагона они вышли вместе, притихшие и счастливые, и пошли в спальный вагон, где их ждали уютные купе. Но сперва они всё-таки заглянули в багажный вагон, чтобы убедиться, что белая медведица спит в тепле. Поезд мчался по берегу горного озера, гладкого, как стекло. В тёмном небе сияли звёзды. Дома, в городе, столько звёзд никогда не увидишь – электрический свет «загрязняет» ночное небо, – и сегодня Кейт с Томом впервые в жизни увидели белую полосу Млечного Пути, прочертившего черноту ночи, и его отражение в тёмном зеркале тихого озера.

Дядя Герберт говорил что-то о поисках вечерней звезды. Кейт подумала, что, может быть, он имел в виду одну из звёзд на небе.

Потом она легла спать. Если бы в мире всё было устроено по справедливости, у Кейт с Томом наверняка разболелись бы животы, но у них ничего не болело. Иногда мир бывает несправедливым в хорошем смысле.

Глава 15. Боковая ветка

Следующим утром, когда Кейт проснулась, поезд ехал заметно медленнее, потому что поднимался на гору.

Кот-рыболов, мамба, цапля и дикобраз играли с малышом панголином. Он наконец-то проснулся и пил молоко из бутылочки. Ему устроили новое гнездо в большой салатной миске, выложенной мягкими полотенцами. Он и вправду был невероятно милым для существа, сплошь покрытого чешуйками, напоминавшими ногти.

Белая медведица всё ещё спала, но вода и рыба, оставленные для неё Кейт, были выпиты и съедены подчистую. Если животное ест и пьёт, это хороший знак. Кейт принесла ей ещё воды и ещё рыбы и пошла в кабину паровоза – узнать, как у него дела.

Они поднимались по крутому горному склону, заросшему чахлой травой и усыпанному камнями. С серого неба сыпался мелкий снег, и по дороге в кабину Кейт на всякий случай взяла своё зимнее пальто.

Но если снаружи и похолодало, то в кабине было тепло, даже жарко. Кейт вдохнула уже ставший знакомым запах влажного пара, угольного дыма и горячего металла.

– Как дела? – спросила она.

Я ПРОГОЛОДАЛСЯ

НУЖНО БОЛЬШЕ ТОПЛИВА

Да, он уже говорил. Кейт проверила тендер: угля оставалось всего ничего. Лишь несколько крошечных кучек по углам.

– Ты знаешь, где раздобыть уголь?

МОЖЕТ БЫТЬ

– Может быть? Как ты можешь не знать?!

НА ГЛАВНОЙ ЛИНИИ НИЧЕГО НЕТ
ПРИДЁТСЯ ИСКАТЬ НА БОКОВОЙ

– Ладно. А это плохо?

СКОРО УЗНАЕМ

БОКОВЫЕ ЛИНИИ ПЛОХО ИЗУЧЕНЫ

– Значит, мы их изучим!

Ну вот. Кажется, Кейт заразилась от Тома его неуёмным оптимизмом.

Примерно через час поезд подъехал к развилке и остановился. Кейт с Томом выбрались из кабины и прошли чуть вперёд, к тому месту, где боковая ветка уходила вправо от главной линии. Тут же располагался большой металлический рычаг для переключения стрелки, чтобы направлять поезда то в одну сторону, то в другую. Ребята потянули за рычаг, бегом вернулись в тёплую кабину, и «Серебряная Стрела» поехал по новым путям.

ПООБЕЩАЙТЕ МНЕ КОЕ-ЧТО

– Да, конечно, – сказала Кейт. – Всё что хочешь.

ВЫ НЕ ДОПУСТИТЕ, ЧТОБЫ ОГОНЬ В ТОПКЕ
ПОГАС

ЭТО ЕДИНСТВЕННОЕ, ЧЕГО Я БОЮСЬ,
Я НЕ ХОЧУ ОКАЗАТЬСЯ В ДЕПО!

Кейт с Томом переглянулись.

– Да, конечно.

– Мы обещаем, – сказал Том. – А что там в Депо?

НЕ ХОЧУ ДАЖЕ ДУМАТЬ ОБ ЭТОМ

Через пару часов они въехали в тихий туманный лес. Верхушки деревьев терялись в серой густой пелене. Кейт знала, что сейчас ещё день, но свет солнца не проникал сквозь туман, который, кажется, протянулся до самого неба.

Тем не менее они всё-таки ехали. И всё вроде бы шло хорошо. Кейт нашла Тома в вагоне-ресторане. Он ел маффин и смотрел в окно на тонувшие в сером сумраке гигантские деревья.

– Странное место, – сказал он.

– Жутковатое.

Потом они долго молчали, замороженно глядя в туманную глубину.

– С чем у тебя маффин? – спросила Кейт.

– С бананом и шоколадом.

– А есть ещё?

– Их было две штуки, и я их съел.

Кейт вздохнула. Философский подход вырабатывать трудно, но иногда у неё получалось.

Поезд сбавил ход и остановился. И опять не на станции. Кейт уже знала, что это был плохой знак. Она побежала в кабину поговорить с «Серебряной Стрелой».

– Где мы? – спросила она.

Я НЕ ЗНАЮ

– Ага. – Кейт надолго задумалась. – Может, нам стоит поехать дальше, пока мы не окажемся где-то, где будет понятно, где именно мы оказались?

Я НЕ МОГУ ЕХАТЬ ДАЛЬШЕ

У МЕНЯ НЕТ УГЛЯ

Погодите... что, правда? Кейт снова проверила тендер, и у неё внутри всё оборвалось. Угля действительно не было. Только угольная пыль. Огонь в топке ещё горел, но через пару часов он погаснет, если им не удастся раздобыть топлива. Кейт почему-то была уверена, что им хватит запасов угля, чтобы доехать до следующей станции, или до топливного склада, или где паровоз берёт уголь? Обычно всё так и происходило, словно само по себе, разве нет? Видимо, в глубине души Кейт до сих пор надеялась, что придёт кто-то взрослый и знающий и решит все проблемы.

Но никто не пришёл, а значит, им с Томом придётся справляться самим. Но как, скажите на милость, справляться самим, когда вы застряли в странном туманном лесу, вообще неизвестно каком и где, вдали от главной железнодорожной линии, и до дома никак не добраться, и уже совсем скоро огонь в топке погаснет. А «Серебряная Стрела» сам говорил, что этого он боится больше всего на свете.

Кейт и сама начала впадать в панику. Она даже не знала, есть ли решение у этой проблемы. В видеоиграх, как бы всё плохо ни складывалось, всегда есть какие-то способы перейти на следующий уровень. В реальной жизни всё устроено по-другому. Иногда выхода просто нет, и ничего сделать нельзя.

Деревья снаружи казались призрачными тенями.

Деревья. Погодите секундочку...

– Как я понимаю, – медленно проговорила Кейт, – вместо угля можно жечь древесину? Ведь можно?

Паровоз долго медлил с ответом.

Я НЕ ЛЮБЛЮ ДРЕВЕСИНУ

– А если нет ничего другого?

ТОГДА, НАВЕРНОЕ, ДА

ЕСЛИ НЕТ НИЧЕГО ДРУГОГО

– Тогда всё в порядке! Мы стоим посреди леса! Тут наверняка есть валежник и всякие деревьяшки. Тут всё вокруг – топливо!

Но как только Кейт вышла из поезда, ей сразу сделалось неудобно. Она вдруг почувствовала себя очень маленькой и незащищенной. Лес стоял тихий и неподвижный. Ни дуновения ветерка. Ни одной птичьей трели. Казалось, в любую секунду из густого тумана мог выйти... кто-то очень и очень страшный.

Но у неё не было другого плана. Она подумала, что, может быть, что-то подобное произошло с тем, другим поездом, который не вернулся. Может, он тоже застрял здесь, в тумане, и всех его пассажиров сожрали голодные чудовища, обитающие в чаще леса? Что-то зашелестело у неё за спиной. Кейт испуганно обернулась.

Это было не чудовище из тумана. Это были все остальные: Том, цапля, кот-рыболов, змея и даже дикобраз.

– Мы подумали, тебе понадобится компания, – сказал кот.

– Особенно в таком жутком месте, – добавила цапля.

– Я просто хотел поискать свежие ветки, чтобы погрызть, – сказал дикобраз.

Кейт улыбнулась. Приключения – хорошая штука, но она уже начала понимать, что есть приключения, в которые лучше пускаться, когда ты не одна.

Глава 16. Деревья

Медленно и осторожно они углубились в лес. Поезд у них за спиной почти сразу исчез в тумане, который был очень густым, словно где-то поблизости работала на полную мощность дымовая машина.

Деревья были невероятно высокими, их нижние ветки располагались так высоко, что до них было не дотянуться. Необъятные стволы напоминали колонны в гигантском соборе. Самые большие деревья были в объёме не меньше слона. От тишины буквально звенело в ушах. Казалось, деревья нарочно сдерживают себя, чтобы не шелохнуться.

Оставалась лишь одна проблема: никакого валежника не было и в помине. Ни одной завалённой упавшей веточки. Земля под стволами была полностью голой.

– А где весь хворост? – спросил Том.

– Не знаю.

Ощущение было такое, будто кто-то прошёл здесь незадолго до них и убрал весь валежник. Навёл порядок в лесу. Кейт подняла голову, но даже самые нижние ветки деревьев терялись в тумане. И всё-таки должен быть способ. Без топлива паровоз никуда не поедет, и они останутся здесь навсегда.

– Может быть, срубим дерево? – предложил Том.

– Ага. Только, если ты вдруг не заметил, у нас нет топора, и даже если бы был, как ты собираешься рубить дерево толщиной с дом?

– Да, что-то я не подумал...

– Может быть, цапля сможет взлететь и наломать веток. – Но Кейт и сама понимала, что изящная, тонкая цапля просто не сможет наломать столько веток, сколько им нужно.

У неё было странное чувство, что лес как будто чего-то ждал. Кейт подумала, что это вполне логично: их компания заявила сюда без приглашения, чтобы набрать веток и деревяшек, причём задарма. Может быть, лес хотел что-то взамен?

Да, так было бы справедливо. Но что нужно лесу?

– Ладно, – тихо проговорила она. – Привет, лес. Нам нужны дрова, чтобы запустить паровоз. Давай поменяемся? Что мы можем тебе предложить?

Кот-рыболов вскинул голову.

– Ты с кем разговариваешь?

– Ни с кем! – Кейт почувствовала, что краснеет. Ей не хотелось признаваться друзьям, что она разговаривает с деревьями. Но мысленно она продолжила: *Мы готовы заплатить за дрова. Мы с удовольствием заплатим. И будем вам благодарны.*

А потом произошло что-то странное. У Кейт в голове появилась мысль:

Ты уверена?

И это была *не её* мысль. Её произнёс чей-то чужой голос, очень древний, и мягкий, и сильный. И не один голос, а целый хор голосов, говорящих в унисон.

Лес ей ответил. Кейт это знала.

Да, я уверена, мысленно произнесла она.

А дальше случилось странное. Всё началось ещё прежде, чем Кейт закончила свою мысль.

У неё зачесались подошвы стоп. Ощущение не было неприятным, просто ей вдруг отчаянно захотелось снять ботинки. И не только ботинки, но и носки тоже: ей хотелось зарыться пальцами ног в колючую глинистую землю.

Она сняла ботинки. И увидела, что Том делает то же самое. Как только босые ноги коснулись земли, она вонзила в неё пальцы. И что самое странное – пальцы как будто удлинились и углубились в землю.

Нет, не «как будто». Они действительно удлинились и ушли в глубь холодной земли. Так бывает, когда зарываешься ногами в песок на пляже, – только теперь ещё глубже. Гораздо глубже.

Её ноги и руки тоже стали длиннее. Она сама сделалась выше и росла так стремительно, что земля удалялась с головокружительной скоростью.

Наверное, она должна была испугаться, но почему-то не испугалась. Её охватил странный восторг. Кейт широко раскинула руки, внезапно сделавшиеся огромными, и руки как бы одеревенели и уплотнились, пальцы начали разветвляться и покрываться листвой. Она всё росла и росла, и ощущение было такое, словно она расправляет спину после долгого сна. Она превращалась в дерево.

Она закрыла глаза. Они были уже не нужны! Чувствовать, видеть и осязать можно и по-другому. Пальцы ног уходили всё глубже и глубже в

землю, прокладывая себе путь сквозь холодные пласты тёмной почвы, плотной, как шоколадная плитка толщиной в километр, и в то же время они стремились наверх, сплетая вокруг её тела-ствола гигантскую подземную паутину, пробирались между камней и корней других деревьев, по-дружески прикасались к червякам, копошащимся в земле, пили прохладную чистую воду, которая – вот чудеса! – без труда текла вверх по её устремлённому ввысь стволу, чтобы напитать влагой её пальцы-ветки и волосы-листья.

Ветер проносился мимо, и она качалась под ветром, словно в такт безмолвной музыке. Она выросла такой высокой, что пробила верхушкой туман и ощущала на листьях солнечное тепло. Это было приятно, и теперь, будучи деревом, она не только грелась на солнышке, но и ела солнечный свет. Это была её пища. Потрясающая на вкус.

Потом пошёл дождь, и она пила дождь, и он тоже был вкусным.

Кончики её веток касались ветвей других деревьев, их корни переплетались друг с другом под землёй, они словно держались за руки, только ногами. Корнями. Кот-рыболов превратился в пушистую вербу, цапля – в очень красивый серебристый ясень. Мамба стала африканской дальбергией чернодревесной, а дикобраз – колючей гледичией.

Они все росли рядом. Кейт вдруг поняла, что никогда в жизни ей не было так хорошо и спокойно. Будь она человеком, ей стало бы скучно так долго стоять на одном месте, но она была деревом, а деревья не знают скуки. Она ничего не ждала, она не хотела какой-то другой судьбы. Она была здесь и сейчас – постоянно. Шли недели, Земля кружилась, как карусель, луна и солнце сменяли друг друга на небе с головокружительной скоростью.

День и ночь менялись местами, словно в игре. Птицы её не боялись, они любили её и вили гнёзда в её ветвях. Добродушная великанша, она слушала резвую болтовню мелких растений, окружающих её ствол, и сумеречный шёпот грибов у самой земли. Не всё было весело и приятно; случались и боль, и раздоры. Насекомые кормились её листвой. Птицы выклёвывали в ней дыры. Молнии били с небес и опаляли, а то и вовсе губили деревья, выбирая их наугад.

Когда пришла осень, она сбросила листья – это стало большим облегчением, на самом деле. Словно она красовалась в нарядном бальном платье, которое под конец вечера стало уже неудобным, и

теперь его наконец можно снять. Зимой она ощущала холод, но он её не беспокоил, хотя иногда ветви болели под тяжестью льда. Она задремала.

Наступила весна, её умыли свежие дожди, и, согретая новым солнцем, она снова проснулась. Её пышные листья распустились, как перья красивой зелёной птицы. Спустя много лет, впервые в жизни попробовав шампанское, она вспомнит, как была деревом в разгар весны, и подумает: *Да. Тогда было так же.*

Летом настал восхитительный пир из солнечного света, но лето ещё даже толком не началось, когда произошло что-то странное и неожиданное. Она... она уменьшалась?

Её голова опустилась ниже тумана, миг закрывшего солнце. Её листья и ветки – роскошные ветки, разделённые на столько побегов, – стремительно высыхали, её корни поднялись из земли, как якоря корабля, готовящегося к отплытию.

Она открыла глаза и вспомнила своё имя. Да, её зовут Кейт. Она совершенно об этом забыла, а теперь снова вспомнила: Кейт. Она вовсе не дерево. Она девочка. Воспоминания потихонечку возвращались. Все вокруг изменилось. Она сама изменилась: стала мягкой и маленькой, и ничто не держало её на месте, и можно было ходить где захочешь. Она могла видеть, двигаться и говорить, но она больше не чувствовала вкуса земли и солнечного света. Какой удивительный образ жизни!

Теперь всё вокруг стало так же, как было раньше. Она стояла на том же месте. Туман, лес... что сейчас произошло? Это было на самом деле? Или это был сон?

Но если это был сон, значит, он снился и всем остальным. Все удивлённо моргали и разминали затёкшие ноги и лапы. Кейт ощущала себя потерянной и неустойчивой, ведь корни уже не держали её на земле.

– Мы были деревьями, – сказал Том.

И больше никто ничего не сказал, потому что всё было понятно без слов. Слегка пошатываясь на ходу, они вернулись туда, где их дождался поезд. На земле рядом с паровозом возвышалась поленница аккуратно уложенных дров.

У Кейт в голове прозвучал хор шелестящих древних голосов:

Запомни, что было.

Глава 17. Он думал, что сможет

Когда они вернулись в кабину «Серебряной Стрелы», огонь в топке ещё горел, но уже еле теплился. Кейт с Томом подбросили дров, и огонь разгорелся, и паровоз тронулся с места и поехал дальше по боковой ветке.

Туманный лес остался позади, теперь они ехали по пустынным равнинам, протянувшимся на многие километры. Кейт открыла дверь тамбура и стала смотреть на высокие травы, скользившие мимо. Вот что забавно: когда смотришь наружу из мчащегося на всех парах поезда, всё, что находится рядом, проносится мимо так быстро, что очертания предметов становятся размытыми, а деревья на горизонте как будто не движутся вовсе. Чуть погода полотно боковой ветки соединилось с другими рельсами, проходившими справа, – они слились так плавно, что Кейт даже не почувствовала толчка, и поезд вернулся на прежний курс, на главный путь.

Они вернулись к обычному распорядку: забирали животных на станциях и высаживали животных на станциях в зелёных тропических джунглях, в пламенеющих красками осени лесах умеренной полосы, в замёрзшей сосновой тайге, в сухих и колючих кустарниковых лесах, в затопленных болотных лесах. Кейт без устали компостировала билеты: ХРЕБЕТ ДЖЕБЕЛЬ-АНСАРИЯ, КАРСТОВЫЙ ЛЕС МАОЛАН, КРОТЕРС-ВУДС, ЛЕСОПАРК ДИРЕХАВЕН, ЭПЕРЛЕКСКИЙ ЛЕС, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛЕС ЛОУН-МАУНТИН. Обычно животные садились в поезд без всякой спешки, в тихой задумчивости и со спокойным достоинством, но когда они добирались до нужного места, их неизменно охватывало волнение – они заранее готовились к выходу, нетерпеливо топтались в тамбуре и выскакивали наружу, как только открывались двери.

Кого только не было среди пассажиров! Горные козлы и шиншиллы. Огромный лохматый бизон, который вблизи выглядел совершенно невероятно – точно какое-то инопланетное существо, – и при этом держался достойно и скромно. Пара кондоров с мощными крыльями и полосатая чёрно-белая змея под названием малайский крайт, такая ядовитая, что рядом с нею занервничала даже мамба. На одной из станций к поезду прицепили стеклянный вагон вроде

оранжереи на колёсах, полный бабочек самых разных цветов. Через несколько остановок его отцепили.

Однажды поезд проехал по длинному тоннелю под большой горой – длиной в несколько километров, как показалось Кейт. Сначала она испугалась, что библиотечный вагон не войдёт в невысокий тоннель, но он поместился. Кейт включила в кабине свет. (Вот что интересно – во всяком случае, интересно для Кейт, – хотя в поезде было привычное ей электрическое освещение, электричество вырабатывал генератор, работающий на пару.) Когда в конце тоннеля наконец показался свет, Кейт подумала, что сейчас они выедут наружу. Но это был не свет солнца, а свет электрических ламп на подземной станции метро.

На платформе стояли люди, и все как один тарасились в свои телефоны. Поезд остановился, двери открылись. Здесь вошёл только один пассажир: аккуратная, ухоженная сова.

Кейт подумала, что людей на перроне, по идее, должно было заинтересовать прибытие на станцию метро старинного паровоза с поездом, полным животных и управляемым двумя детьми, – но они даже не оторвались от своих телефонов. Ни один человек не взглянул в сторону поезда. Никто ничего не заметил. *Они вроде бы бодрствуют, но всё равно как будто спят*, подумала Кейт и мысленно поклялась себе, что она постарается никогда не уснуть наяву, как эти люди на станции.

В перерывах между остановками Кейт обычно сидела в библиотечном вагоне. Она дочитала книжку о тайной подземной школе и начала новую. По дороге они нашли вспомогательную станцию, загрузили топливо, и теперь паровоз снова ехал на угле. Кейт стала чаще наведываться в конфетный вагон, но до сих пор ещё не перепробовала всё, что там было. В жаркие дни она подолгу плескалась в бассейне, и это было действительно круто – именно так, как вы себе представляете купание в бассейне на борту скоростного поезда. Том провёл эксперимент, чтобы проверить, сможет ли он пройти через оба вагона-ресторана, ступая только по столам и стульям. (Он смог.)

Кейт гордилась собой: она следила за порядком в кабине, и теперь все медные детали были начищены до блеска, а пол всегда подметён – они с Томом постоянно роняли кусочки угля, когда носили его из тендера. Когда Кейт впервые оказалась в кабине, она представила ей беспорядочным нагромождением каких-то случайных труб и рычагов,

но теперь Кейт читала датчики «Серебряной Стрелы», как открытую книгу. У неё словно вдруг появился целый набор новых чувств: какая-то часть её разума постоянно отслеживала уровень воды и силу давления в паровом котле, и жар огня в топке, и угол наклона путей, и положение регулятора давления и реверсивного рычага. (Она окончательно разобралась с реверсивным рычагом, и это тоже был повод для гордости.) Хотя паровой двигатель – это уже устаревшая технология, её всё равно просто так не освоишь.

Он въехали в лес, расположенный на высокой крутой горе. Серые каменистые склоны спускались к зелёным долинам, теряющимся вдаль. Но как бы красиво ни было вокруг, поезд карабкался в гору с большим трудом. Из-за крутого подъёма «Серебряная Стрела» требовал всё больше и больше угля и ехал всё медленнее, пока не сбросил скорость настолько, что его запросто можно было бы догнать пешком.

Кейт не хотелось думать о том, что будет, если паровоз остановится или, ещё того хуже, покатится вниз по склону. Том постоянно шептал: «А мне кажется, я смогу», – как в той детской книжке «Паровозик, который смог», а «Серебряная Стрела» постоянно просил его замолчать.

Я НЕ ПРЕДНАЗНАЧЕН ДЛЯ ПОДЪЁМА В ГОРЫ
Я НЕ ФУНИКУЛЁР!

– Я не знаю, что это такое, но если надо отцепить какие-то вагоны, то говори сразу, – сказала Кейт. – Я вполне обойдусь без багажных вагонов, но библиотечный вагон не отдам.

Я НЕ СОБИРАЮСЬ ОТЦЕПЛЯТЬ ВАГОНЫ

ЧТО ЖЕ ТЫ ЗА ЧУДОВИЩЕ, РАЗ ПРЕДЛАГАЕШЬ
ТАКУЮ ЖУТЬ?

– Я просто пытаюсь помочь.

МЫ НЕ БРОСАЕМ СВОИ ВАГОНЫ

КРОМЕ, МОЖЕТ БЫТЬ, КОНФЕТНОГО ВАГОНА.
Я ПОДУМАЮ И СКАЖУ

Наконец они добрались до вершины, где было ущелье, уходящее вниз. К тому времени паровоз сбросил скорость до скорости усталого пешехода. Тени высоких гор растянулись на несколько километров у них за спиной, заливая долину густым сумраком. В течение целой минуты рельсы шли ровно, не под наклоном, и Кейт с Томом присели на откидные сиденья и перевели дух.

А потом «Серебряная Стрела» качнулся вперёд и покатился вниз.

Он стремительно набирал ход. Колёса стучали всё быстрее и быстрее. Кейт высунулась в окно, и ей в лицо ударил ветер. А паровоз всё ускорялся и ускорялся и теперь мчался быстрее, чем когда-либо прежде. Кейт с Томом встревоженно переглянулись. Хорошо, что они вновь едут быстро, но лучше было бы ехать хоть чуточку *медленнее*.

– Извини, что я раньше смеялся, что ты еле ползёшь, – сказал Том. – Если ты хотел нам отомстить, у тебя получилось.

Я НЕ ХОТЕЛ ОТОМСТИТЬ

Я НЕ МОГУ СБАВИТЬ ХОД

– Где твой спидометр? – спросила Кейт.

У МЕНЯ ЕГО НЕТ

– Что?!

У ПАРОВОЗОВ НЕ БЫВАЕТ СПИДОМЕТРОВ

– Тебя, что ли, и вправду построили в каменном веке? И как нам узнать, с какой скоростью ты летишь?!

Кейт казалось, что она сама ощущает тяжесть всех вагонов, прицепленных к паровозу и толкающих его вперёд. Она сбросила давление пара и попыталась нажать на рычаг тормоза, сначала легонько, а потом со всей силы.

ОЙ! МОИ ТОРМОЗА!

Хотя рычаг сдвинулся, скорость не изменилась. Значит, можно уже объявить официально: «Серебряная Стрела» потерял управление.

Кабина начала опасно раскачиваться. Они мчались вниз по крутому склону, и если поезд сойдёт с рельсов, это будет конец – они наверняка перевернутся и покатятся вниз по камням. Или сразу же рухнут в пропасть.

В кабину пришла делегация животных.

– Мы пришли выразить обеспокоенность, – сказал кот. – Нас беспокоит, что мы все умрём.

– Я делаю всё, что могу! – крикнула Кейт. – Я пытаюсь затормозить!

– Я чуть не упала на дикобраза, – сказала змея.

– На меня чуть не упала змея! – сказал дикобраз.

– Я хочу, чтобы вы знали, – сказала цапля, – что если мы свалимся в пропасть, то я уцелею. Выпрыгну из окна и улечу, но я буду помнить вас всех и поминать добрым словом.

– Спасибо, – уныло проговорила Кейт.

– Напомни, пожалуйста, как зовут твоего брата.

– Том! – сказала Том.

– Я тебя никогда не забуду, Тим.

– Даже не верится, что птицы произошли от динозавров, – сказал Том.

Кейт снова высунулась в окно, и её ждало самое жуткое зрелище, какое можно представить: они приближались к крутому повороту на самом краю отвесной скалы, и уже было понятно, что на такой скорости они просто не впишутся в поворот. Набранный импульс движения сорвёт их с рельсов.

Она буквально повисла на рычаге тормоза, пытаясь сдвинуть ещё хоть чуть-чуть.

ОН СДВИНУТ УЖЕ ДО ПРЕДЕЛА!

– Если ты умеешь превращаться в самолёт или во что-то летательное, то сейчас самое время!

СОВЕРШЕННО НЕОБОСНОВАННЫЕ ОЖИДАНИЯ!

Даже если бы он что-то такое умел, то всё равно бы уже не успел ничего предпринять. «Серебряная Стрела» вошёл в поворот, и Кейт почувствовала, как весь поезд накренился в сторону пропасти. Все

закричали. Кейт бросилась к левой стене – на внутренней стороне поворота. Может быть, её вес всё-таки сможет хоть как-то помочь?! Она буквально физически ощутила, как все колёса с левой стороны оторвались от рельса, и одно жуткое мгновение мчащийся поезд держался лишь на одном рельсе. Визг стали о сталь резанул по ушам, и на долю секунды – очень долгую долю секунды – поезд завис над пропастью, и время как будто остановилось...

...а потом левая сторона с грохотом встала обратно на рельс, и поезд поехал дальше.

Дальше рельсы шли прямо, и вскоре поезд спустился к подножию горы. Кейт оглядела кабину.

– Больше не надо так делать, – сказала она.

– Согласна, – сказала цапля.

СОГЛАСЕН

Кейт набралась смелости и снова выглянула в окно: всё же хотелось бы знать, что их ждёт впереди! Но уж лучше бы она никуда не выглядывала.

– Не может быть, – прошептала она.

Они подъезжали к морскому берегу: сплошь ослепительно-белый песок и синее море до самого горизонта. Рельсы вели прямо в воду.

Глава 18. Остров Уайз

Кейт не стала кричать: «Смотрите!», или «О, нет!», или даже «Спасите!». Потому что кричать было поздно. Оставалось только смотреть, как на них неминуемо надвигается кромка прибоя.

Кейт крепко зажмурилась. Если ей предстоит умереть в одиннадцать лет, по крайней мере, её ждёт не самая обычная смерть: разбиться о толщу безымянного океана, в мчащемся поезде, который ведёт старинный паровоз, вместе с братом и компанией говорящих животных. У неё будет исключительно интересный некролог.

Но они не разбились. «Серебряная Стрела» въехал в воду и помчался дальше.

Кейт пожалела, что не видела этого со стороны. Зрелище наверняка впечатляющее: огромный чёрный паровоз врывается в море, брызги летят во все стороны, морская вода шипит, испаряясь с поверхности горячего парового котла, – а потом вода расступается в стороны и образует светящийся изумрудный тоннель, по которому едет поезд.

Рельсы спускались всё ниже и ниже, следуя за наклоном морского дна. Солнечный свет, проникавший сквозь толщу воды, переливался всеми оттенками зелёного, а когда поезд спустился на глубину, свет сделался холодным и тёмно-синим. Звуки стали приглушёнными. Мимо проносились подводные скалы, заросли водорослей и косяки серебристых рыб, с любопытством глядевших на поезд, мчавшийся по водяному тоннелю.

– Что происходит? – спросила Кейт.

Я НЕ ЗНАЮ

НО ЗДЕСЬ КРАСИВО

Кейт высунула руку в окно, так чтобы кончики пальцев касались стены тоннеля. Буквально в метре от Кейт проплыла большая, длиной около метра, синяя рыба с затупленной головой, следом за нею тянулось облачко мелких рыбёшек, льнувших к её бокам. «Серебряная

Стрела» опускался всё глубже и глубже, и вскоре вода вокруг сделалась почти чёрной. Здесь, внизу, было холодно, и Кейт надела пальто.

Последнее, что они видели перед тем, как свет погас окончательно: силуэт гигантского кашалота, проплывавшего прямо над ними неспешной и величавой тенью, наподобие беззвучного дирижабля. А потом темнота стала непроницаемой, и лишь иногда где-то в толще воды проглядывали огоньки светящихся глубоководных рыб.

В какой-то момент – Кейт не могла бы сказать, когда именно это произошло, – рельсы ушли под океанское дно, словно нырнули в подземный тоннель. Кейт включила свет в кабине. Они ехали по этому тоннелю около получаса, а затем вновь поднялись в чёрную воду, которая постепенно светлела, становясь синей, зелёной – всё ярче и ярче, – и внезапно поезд вырвался на поверхность, под ослепительный солнечный свет, отражавшийся от белого песка. От такой красоты у Кейт захватило дух, она сбросила давление пара и нажала на тормоз, хотя здесь не было никакой станции.

Они оказались на плоском песчаном острове посреди синего моря, искрившегося на солнце.

Кейт никогда не бывала на морском пляже, только на озере Мичиган, и ей там не слишком-то нравилось. Для экономии родители ездили в отпуск не в самый тёплый сезон, когда ещё было холодновато купаться, а сами пляжи были какими-то узкими, серыми и не особенно чистыми.

Здесь всё было иначе. Песок – мелкий и мягкий, как пшеничная мука, и почти такой же белый. Пляж широкий. На дальней от моря его стороне высились песчаные дюны, поросшие травой.

– Это почти мой естественный ареал обитания! – объявил кот-рыболов и прыгнул в воду. Цапля шагнула следом за ним, и они устроили состязание по рыбной ловле, хотя было трудно понять, кто победил, потому что вся рыба тут же съедалась.

Мамба растянулась на тёплом песке.

– Вы, теплокровные существа, даже не представляете, как приятно погреться на солнышке, – сказала она. – Наверное, что-то похожее чувствует лёд, когда тает.

– Вообще-то я представляю, – сказала Кейт. – Я была деревом.

Кейт с Томом сняли ботинки и пробежались наперегонки до ближайшей дюны, поднимая в воздух облачка песка. С верхушки дюны

был виден почти весь остров: овальный кусочек суши посреди бесконечного океана. Кейт подумала, что, наверное, они с Томом – единственные люди на сотни километров вокруг.

Они сходили в вагон-ресторан, взяли еды, по пути захватили плед из спального вагона, расстелили его на песке и устроили пикник на морском берегу.

Дикобраз присоединился к ребятам и с удовольствием сгрыз морковку. Малыш панголин носился вокруг и возился в песке. В последнее время он стал гораздо активнее и сейчас с любопытством принюхивался и трогал всё, до чего мог дотянуться, своим удивительно длинным языком. У него были четыре лапы, но обычно он ходил на двух задних, сгорбившись, как крошечный старичок, заросший чешуёй.

– Интересно, и сколько всё это продлится? – сказала Кейт.

– Пикник на пляже?

– Нет, вообще всё. Поезд, животные, приключение. Такое чувство, что прошло уже несколько недель. В смысле мне нравится, да. Но я скучаю по маме и папе.

– Я тоже, – сказал Том.

– Я понимаю, нам надо доставить животных, куда они едут, но кто-то из них наверняка мог бы добраться и сам, по старинке. Ну, знаешь... как перелётные птицы.

У Кейт слипались глаза.

– Интересно, как называется этот остров? – сонно проговорила она.

– Острой Уайз, – сказал Том. – Мудрый остров.

– Откуда ты знаешь?

– Мне сказал паровоз.

– Ясно, – сказала Кейт. – А что же в нём мудрого?

– Ну, здесь можно искать сокровища.

Кейт вообще-то понравилась эта идея. Но она всё равно не понимала, что в этом мудрого. И её, как всегда, настораживали неожиданные подарки.

– Искать сокровища можно везде, – сказала она. – Но не факт, что найдёшь.

– В том-то и дело! Дети на пляже вечно роются в песке в надежде найти что-то ценное, и никогда не находят. А здесь, если порыться как следует, обязательно что-то найдёшь!

– Прямо-таки обязательно?

Том кивнул.

– Каждый находит что-то одно.

– Типа золото и серебро?

– Я не знаю, – сказал Том. – Но мне кажется, это какие-то другие сокровища. Паровоз говорил, что у каждого они разные.

Они не стали рыться в песке сразу. Сначала прошлись по пляжу туда-сюда, то отпрыгивая от прибоя, то позволяя набегавшим на берег волнам намочить их босые ноги. Они нашли несколько очень красивых ракушек, розовых с белыми полосами, похожих на закрученные в спираль карамельки. Вода была тёплой и прозрачной, как стекло, – ребята видели мелких рыбок, сновавших у самого берега.

Кейт с Томом долго раздумывали, где надо копать. Они не знали, надо ли выбирать какое-то определённое место или можно копать где угодно и ты всё равно что-то найдёшь. Кейт размышляла, какие сокровища могут быть спрятаны на этом уединённом острове посреди океана. Наконец Том выбрал место в дальнем конце пляжа, почти у самых дюн. Кейт вернулась к их пледу, разложенному на песке, где мамба до сих пор нежилась на тёплом солнышке. Кейт уселась на плед и принялась рыть ямку в песке прямо там, где сидела.

Под слоем сухого, нагретого солнцем песка обнаружился нижний слой, прохладный, плотный и влажный. Кейт копала всё глубже и глубже, пока рука не ушла вниз по локоть, а потом ещё чуточку глубже – пальцы саднило, и ей пришлось лечь на песок, чтобы дотянуться до самого низа ямы глубиной ей по плечо, если вытянуть руку.

У неё даже мелькнула мысль, что Том над ней подшутил – но нет, он сам тоже копал свою ямку. Может быть, остров решил, что Кейт не заслуживает подарка.

И тут её пальцы наткнулись на что-то твёрдое и гладкое.

Это «что-то» лежало так глубоко, что Кейт пришлось до предела вытянуть руку, чтобы обхватить его пальцами. Штуковина плотно сидела во влажном песке, но Кейт всё-таки удалось вытащить её наружу.

Это была плоская металлическая коробочка, плотно закрытая на застёжку-зажим. Кейт совершенно не представляла, какие сокровища могут быть в такой маленькой коробочке. Она открыла зажим и

откинула крышку. Внутри лежал обтянутый кожей футляр, а в футляре, выложенном изнутри синим бархатом, – очки в черепаховой оправе.

К очкам был прикреплён ярлычок с аккуратной надписью от руки:

Эти очки Грейс Хоппер носила, когда начинала учиться компьютерному программированию.

С виду – самые обыкновенные очки, но для Кейт они были ценнее любой золотой диадемы, усыпанной бриллиантами. *Их носила сама Грейс Хоппер!* В этих очках Грейс Хоппер читала с экрана все данные, которые её суперумные пальцы вводили в компьютер по указке её суперумного мозга. Данные, которые изменили историю. Кстати, очки выглядели очень круто. Настоящий ретровинтаж.

Кейт бережно положила очки обратно в футляр и закрыла крышку. Она будет хранить их всю жизнь. Сейчас у неё очень хорошее зрение, но Кейт решила как можно скорее его испортить чтением умных книг и написанием гениальных компьютерных программ, и тогда ей понадобятся очки, и она будет носить только *эти* очки и никакие другие.

Она уже собиралась окликнуть Тома и показать ему свою находку, но он тоже что-то нашёл. Он прижимал к груди маленького потрёпанного плюшевого лисёнка, и у него по щекам текли слёзы.

Кейт сразу узнала этого лисёнка. Его звали Лисик, полное имя – Лисик Джонс. Тот самый лисёнок, потерявшийся во время поездки на горнолыжный курорт, – который был у Тома почти с рождения, которого Том очень любил и думал, что потерял навсегда. А теперь Лисик вернулся.

Глава 19. Вечерняя звезда

И вот однажды, когда они ехали по заросшей кустарниками равнине, такой ровной и плоской, словно её раскатали скалкой, а малыш панголин перешёл с молока на сырой мясной фарш, который для него брали в кухонном вагоне – из-за чего все им очень гордились, – Кейт прошла по пассажирским вагонам и заметила, что они наполовину пустуют. Всё меньше и меньше животных садилось в поезд, и всё больше сходило на остановках.

Ещё через несколько дней в поезде почти никого не осталось, кроме животных из библиотеки: кота-рыболова, белобрюхой цапли, зелёной мамбы и дикобраза. Плюс ещё спящая белая медведица и малыш панголин. Так началась самая трудная в каком-то смысле часть путешествия.

Поезд миновал схваченную морозом пустыню: километр за километром песчаных дюн, местами присыпанных снегом или тронутых инеем. По этой пустыне они ехали целых четыре дня. Дикобраз сделался ещё угрюмее, чем обычно, и ворчал, что ему не дают поиграть с маленьким панголином столько, сколько ему положено, если распределять время честно. Однажды поезд подъехал к тоннелю, на въезде в который висел предупреждающий знак: ОСТОРОЖНО! КАМНЕПАД! Кейт с Томом пришлось вытащить из багажного вагона старую скрипучую дрезину и ехать впереди поезда через весь тоннель – на жутком морозе! – чтобы убедиться, что рельсы нигде не завалены и поезд сможет проехать.

В другой раз у «Серебряной Стрелы» почти закончилась вода, и пополнить запас было негде, но Том вовремя вспомнил о вагоне-бассейне.

По ночам Кейт и Том спали по очереди: пока один спал, другой дежурил в кабине паровоза и высматривал, нет ли впереди опасных поворотов, предупреждающих знаков, крутых подъёмов и спусков или каких-то препятствий на путях. Им не раз приходилось останавливаться, спускаться на рельсы и разгребать завалы песка, нанесённого ветром.

Всё это продолжалось так долго, что Кейт уже начала опасаться, что больше просто не выдержит. У неё под глазами пролегли тёмные

тени, а когда она закрывала глаза, ей мерещились рельсы, протянувшиеся в бесконечность. Её буквально шатало от усталости, и она постоянно обжигалась, натываясь на горячие трубы в кабине. Холод, сковавший песчаную пустыню, постепенно проникал в поезд, и Кейт никак не могла согреться, даже когда сидела в кабине у самой топки.

Где я? – размышляла она. *Что я здесь делаю?* Ей казалось, что она провела в поезде уже целую вечность. Да, приключение действительно было волшебным, но оно ещё и предполагало много работы. И всё-таки подзатянулось.

И вот как-то утром, совсем рано утром, в тихий, как будто застывший час перед рассветом, «Серебряная Стрела» снова замедлил ход. Кейт взглянула в окно и не увидела никакой станции.

Клац-клац.

СМОТРИ ВПЕРЕД

Кейт зевнула, потянулась и высунула голову в окно. И сразу увидела...

– Что за ерунда?

МНЕ ТОЖЕ ХОТЕЛОСЬ БЫ ЗНАТЬ, ЧТО ЭТО ЗА ЕРУНДА

В темноте было плохо видно, но, похоже, земля впереди обрывалась отвесной стеной. Однако рельсы не заканчивались на краю обрыва. Они уходили вперёд и вдаль, прямо по воздуху.

Кейт выбралась из кабины и немного прошла вперёд в свете головного прожектора паровоза. Поначалу рельсы, проложенные по воздуху, шли ровно, но когда глаза Кейт привыкли к темноте, она разглядела, что чуть дальше от края обрыва пути изгибаются кверху, как трасса на «американских горках» – всё круче и круче, – и теряются в тёмном небе, затянутом облаками.

Кейт задумалась, кусая губы. Потом вернулась в кабину.

– Как мы поедem наверх? – спросила она. – Ты сможешь проехать по небу?

НЕТ

Кейт ещё немного подумала.
– Есть какой-то другой путь?

ВРЯД ЛИ

– Ты можешь ехать назад?

ДА

Следом за поразительно краткими ответами паровоз прочёл не такую уж краткую лекцию о чудесах реверсного механизма и парораспределительного механизма Вальсхарта, изобретённого гениальным, но не известным широкой публике бельгийским инженером Эджидом Вальсхартом (1820–1901). Данное изобретение существенно облегчило задний ход для паровых локомотивов. Но я не буду здесь пересказывать эту лекцию. Можете не благодарить.

– Тогда нам, наверное, стоит поехать назад, – сказала Кейт.

НАВЕРНОЕ, СТОИТ

Кейт ничего не сказала. Она прижала к лицу ледяные ладони. Она ужасно устала и страшно замёрзла. Сейчас ей хотелось лишь одного: оказаться у себя дома, забраться в свою тёплую постель и проспать целую неделю. Но тогда ей пришлось бы бросить свою работу, а значит, не довезти животных до того места, куда они едут. И это не просто животные, это её друзья.

Но что она могла сделать? Дальше пути нет. И тут ничего не изменишь. От мысли, что можно всё бросить и сбежать домой, ей стало грустно, но в то же время – как бы ей ни было неприятно это признать – она испытала огромное облегчение. Может быть, эта работа ей не по силам. В конце концов, ей всего лишь одиннадцать лет.

– Я не хочу сдаваться, – сказала она. Но её голос прозвучал глухо и неуверенно. На самом деле ей очень-очень хотелось сдаться.

НИКТО НЕ СТАНЕТ ТЕБЯ ВИНИТЬ

– А можно будет оставить очки у себя? – очень тихо спросила Кейт. – Очки Грейс Хоппер? Даже если мы не закончим работу?

ДА, МОЖНО БУДЕТ ОСТАВИТЬ ОЧКИ У СЕБЯ

Но работа останется незаконченной. И это очень не нравилось Кейт. Так могла бы поступить та, прежняя Кейт, какой она была раньше. До того, как началось приключение. Время, проведённое в поезде, научило её принимать ответственность за свои решения и поступки – причём не в игре, а на самом деле. Но иногда так бывает, что ничего нельзя сделать. И это тоже реальность.

НАВЕРНОЕ, ТЕБЕ СТОИЛО БЫ ПРОГУЛЯТЬСЯ

– И чем нам это поможет?

ОТКУДА МНЕ ЗНАТЬ? У МЕНЯ ДАЖЕ НЕТ НОГ

НО ЛЮДИ ВСЕГДА ОТПРАВЛЯЮТСЯ
ПРОГУЛЯТЬСЯ,
КОГДА ИМ НАДО ПОДУМАТЬ
И НАЙТИ ВДОХНОВЕНИЕ

И Кейт пошла прогуляться. Даже если она ничего не придумает, то хотя бы немножко согреется.

Она не стала уходить от «Серебряной Стрелы». Она сделала то, чего хочется всем, но редко кому удаётся, а именно: пройтись по крыше поезда. Вы наверняка обращали внимание, что на железнодорожных вагонах снаружи есть лесенки, ведущие на крышу, но по какой-то необъяснимой причине никому не разрешают на них залезать – только кондукторам и героям боевиков в сценах драки на крыше поезда.

Но у Кейт такая возможность была, и она ею воспользовалась: забралась на крышу по лесенке на пассажирском вагоне и пошла в сторону хвоста состава. Оказалось, что это не так уж и сложно. Крыша была шириной метра в три, хотя в центре слегка выгибалась вверх, и расстояния между вагонами были довольно большими – ровно настолько, чтобы сердце чуть замирало, когда перешагиваешь с одного вагона на другой. Кейт стало любопытно, смогла бы она так вот запросто гулять по крыше, если бы поезд не стоял, а ехал? Наверное, это было бы круто.

Она вдруг поняла, что просто пытается себя отвлечь. А вот животные такого не делают никогда. Люди считают животных низшими существами, но животные никогда не ищут себе оправданий и не жалеют себя. Они вообще не знают, что это такое. И они не бегут от проблем.

Кейт дошла до самого конца состава, до штабного вагона, где ещё не бывала раньше. Снаружи он был выкрашен в красный цвет, а внутри находилась крошечная дровяная печка, несколько откидных коек и письменный стол. Как в домике на туристической базе. Вместо самого заднего тамбура здесь была открытая площадка вроде маленького балкончика, где можно сидеть и смотреть на рельсы, остающиеся позади. Кейт сделала мысленную заметку, что надо будет вернуться сюда потом. И тут же вспомнила, что, может быть, никакого «потом» и не будет.

Уже на обратном пути Кейт заметила в высокой траве очень старые, ржавые рельсы, уходившие в рощу неподалёку. Такие же старые и ржавые, какими раньше были рельсы заброшенной ветки в лесу за её домом. Кейт спустилась на землю и пошла по путям.

Было по-прежнему очень холодно, но солнце уже поднималось над горизонтом. Ступая по старым деревянным шпалам, Кейт дошла до опушки рощи.

Вдохновения она не нашла. Зато нашла другой паровоз.

Он просто стоял в боковом отстойнике. Теперь Кейт знала, что так называется участок путей, где хранятся вагоны и локомотивы, которыми никто не пользуется. Этим паровозом никто не пользовался уже очень давно.

Вся его краска облезла, и он сделался полностью рыжевато-кирпичным от ржавчины. Местами ржавчина проела металл насквозь, и в тёмном нутре паровоза виднелся большой котёл, где раньше кипел пар. В окнах кабины не было стёкол. Сорные травы проросли сквозь спицы ржавых колёс, которым уже никогда не придётся крутиться.

Когда-то этот паровоз наверняка был таким же быстрым, гордым и мощным, как «Серебряная Стрела». Он мчался вперёд, громяхая по рельсам, пыхал паром и тянул за собой длинную вереницу вагонов. Но те дни миновали. Этот паровоз уже не починить, его время закончилось.

Но его имя всё ещё виднелось на проржавевшем боку. Поблѣкшие, едва различимые буквы:

ВЕЧЕРНЯЯ ЗВЕЗДА

Кейт протянула руку и прикоснулась к металлу в ломких чешуйках ржавчины.

– Мне очень жаль, «Вечерняя Звезда», – сказала она. – Я уверена, ты был великим паровозом.

Дядя Герберт просил их найти «Вечернюю Звезду». И вот Кейт его нашла. Не настоящую звезду на небе, а паровоз. Она гадала, кто его здесь оставил. Знали ли эти люди, что они бросают его навсегда? Может, они обещали вернуться за ним, но так и не вернулись? Из окна кабины брошенного паровоза выпорхнула птичка зарянка и улетела прочь. Наверное, у неё там гнездо, подумала Кейт. Значит, у «Вечерней Звезды» есть хотя бы какая-то компания.

Кейт вернулась в кабину «Серебряной Стрелы» с головой, полной мыслей.

– Я кое-что нашла, – сказала она. – Старый паровоз по имени «Вечерняя Звезда».

ОХ

– Ты о нём слышал?

ТАК ЗВАЛИ ПАРОВОЗ, КОТОРЫЙ БЫЛ ДО МЕНЯ

КОТОРЫЙ НЕ ВЕРНУЛСЯ

Значит, вот что с ним произошло.

– Он, наверное, не смог ехать дальше.

ВИДИМО, ОН ЗДЕСЬ СЛОМАЛСЯ

**ЕГО КОНДУКТОРЫ СДАЛИСЬ
И ВЕРНУЛИСЬ ДОМОЙ**

– Интересно, что с ними стало...

НИЧЕГО

ИХ ПРИКЛЮЧЕНИЕ ЗАВЕРШИЛОСЬ

– А как же животные?

ВИДИМО, ИМ ПРИШЛОСЬ КАК-ТО СПРАВЛЯТЬСЯ
САМИМ

ЭТО БЫЛО НЕПРОСТО. НО ОНИ
ПРИВЫКЛИ СПРАВЛЯТЬСЯ САМИ

Кейт долго молчала. Она задумчиво обвела взглядом кабину, казавшуюся такой странной и непонятной, когда она здесь оказалась впервые, но теперь ставшую родной и знакомой. Кейт представила эту кабину насквозь проржавевшей и рассыпающейся на части. Если «Серебряная Стрела» повторит судьбу «Вечерней Звезды», он останется здесь навсегда, брошенный и одинокий, под ветром, дождём и снегом.

– Я тебя здесь не брошу, – тихо проговорила она. Но паровоз ничего не ответил. Может, он ей не поверил. Может, и правильно, что не поверил.

Она не могла повернуть назад, но не знала, как двигаться дальше. Она понимала, что сдаваться нельзя – это будет неправильно, – но те, кто твердит «Никогда не сдавайся», почему-то не упоминают о том, как тяжело, а подчас так и вовсе невыносимо идти вперёд. Может быть, настоящие искатели приключений не ломаются напролом, а понимают, когда надо вовремя остановиться. Может быть, это ещё один важный жизненный урок, который ей надо усвоить.

Но потом Кейт подумала о животных. И о «Серебряной Стреле». Она закрыла глаза, и по щеке скатилась одинокая слезинка. Кейт вытерла её ладонью и пошла в библиотечный вагон.

Глава 20. Подбородки

Цапля нашла старинную книгу с картинками и листала её, переворачивая страницы кончиком длинного клюва. Кот-рыболов ходил плавать в бассейне на морозе и теперь спал у печки. Мамба болталась на люстре и напоминала кусок оторвавшегося зелёного кабеля. Кейт так и не поняла, как змея умудрилась туда забраться.

Дикобраз катал по полу свернувшегося в плотный шар панголина. Кажется, малышу это нравилось.

– В общем, так, – сказала Кейт. – У нас проблема.

– Какая проблема? – спросила цапля.

Кейт объяснила. Животные надолго задумались.

– Если здесь могут хоть как-то помочь мои иглы, – проговорил дикобраз, – ты только скажи.

– Спасибо, – сказала Кейт, хотя была абсолютно уверена, что иглы тут не помогут никак.

Все опять замолчали, и где-то на середине затянувшегося молчания проснулся кот-рыболов и спросил, что происходит, и Кейт пришлось объяснять всё по новой.

Цапля закрыла книгу.

– Помнишь, мы говорили о животных-захватчиках и какой от них вред?

– Да.

– Мы тогда не упомянули об одном виде захватчиков, самом вредном из всех. Это приматы. У них до нелепого большие головы и почти нет шерстяного покрова.

– Да, они хуже всех, – сказал дикобраз.

– Кажется, я понимаю, к чему вы клоните, – сказала Кейт.

– И ещё у них есть подбородки, – добавил кот. – Непонятная штука: костяной выступ прямо под нижней челюстью. Больше ни у кого из животных такого нет.

– Ладно, – сказала Кейт. – Я уже поняла.

– Это не просто животные-захватчики, а изначальные захватчики, создавшие всех остальных чужеродных вселенцев. Мы злимся на скворцов, но если подумать, они ни в чём не виноваты. Они не просили, чтобы их перевозили в Северную Америку. Им совершенно

неинтересен Шекспир. Без этих голых подбородочных обезьян, может, и не было бы никаких животных-захватчиков. И это только начало. Они создают и другие проблемы. Строят повсюду свои дома, вырубают деревья, ставят плотины на реках, загрязняют атмосферу, нагревают моря и океаны... В смысле забудем о белках. Из-за этих голых приматов вымирает по дюжине видов животных *ежедневно*. Они истребили почти всех панголинов: ловят их и перемалывают их чешуйки для приготовления лекарств. Которые даже не помогают!

– Я поняла. – Кейт угрюмо уселась в кресло. – Вы говорите о людях.

– Мне одно непонятно, – сказал дикобраз, – как вы умудрились всё это проделать, не имея иголок?

– Или яда, – сказала змея.

– Или крыльев.

– Знаете что, – сказал кот, – я бы сейчас с удовольствием съел пару рыбин.

– Ты как-то спрашивала, куда мы едем, – сказала цапля. – Никто не хотел говорить, но если по правде, то мы убегаем от вас.

Кейт обвела взглядом животных. Она уже успела их полюбить.

– Я не знала, – прошептала она.

– Узкоголовым мамбам не угрожает опасность исчезновения, – сказала змея. – Хотелось бы мне посмотреть, как вы, люди, станете угрожать мамбам! Но вы почти вырубали мой лес, и мне приходится переселяться в Мозамбик. А вот коты-рыболовы и вправду в беде.

– Так и есть. – Кот принялся умываться лапой с таким беззаботным видом, словно они говорили о погоде. – Нас осталось очень мало. Люди на нас охотятся, ставят капканы и травят всякими ядами. Осушают наши чудесные болота. Я оказался в поезде, потому что на месте моего мангрового болота строят отель. Но с белобрюхими цаплями всё ещё хуже.

– Да ну, ерунда, – скромно проговорила цапля.

– Да ладно! Вас осталось, наверное, всего несколько сотен.

Цапля вздохнула.

– Это правда. Мы уже почти вымерли. Люди на нас охотятся и крадут наши яйца. На моей реке поставили плотину, чтобы построить электростанцию.

На миг все умолкли.

– У нас всё хорошо, – сказал дикобраз. – Спасибо за беспокойство, друзья. В мире нет недостатка в дикобразах.

– Всё меняется, – сказала цапля. – Повсюду животным приходится переселяться. По сути, мы беженцы, точно как люди. Посмотрите на бедную белую медведицу!

– А что с ней? – тоскливо спросила Кейт.

– Она ждала поезда, – сказала мамба, – но её станция располагалась на льдине. Из-за глобального потепления льдина растаяла, и медведица оказалась одна посреди океана. Сколько, потвоему, она продержалась бы на плаву? Вы ещё успели её спасти, а могли бы и не успеть.

Кейт вжалась в кресло. Ей казалось, она сейчас тоже растает и растечётся лужей стыда. Ей хотелось забыть обо всём, что ей наговорили животные. Или вообще никогда и не слышать. Лучше бы ей было остаться дома и обойтись без таких приключений. Когда «Серебряная Стрела» увёз их с Томом в волшебный мир, Кейт думала, что убегает от своей скучной бессмысленной жизни, но здесь всё оказалось гораздо хуже, и отчасти в этом была виновата она сама. Когда ты ребёнок, мир взрослых кажется удивительным и захватывающим – и такой он и есть, – но он гораздо печальнее и сложнее, чем тебе представлялось. Причём нельзя взять только лучшую половину: надо брать все целиком, даже то, что тебе и не нужно. И когда ты берёшь всё целиком, пути назад уже нет.

– Вы, наверное, нас ненавидите, – прошептала она. – Ненавидите очень сильно.

– Вовсе нет, – сказала цапля.

И что самое странное, это была правда. В их голосах не было ненависти.

– Ненависть – исключительно человеческая черта, – пояснил котрыболов.

– Мы умеем сердиться, – сказал дикобраз. – Я лично частенько сержусь. Но ненавидеть мы не умеем.

– Теперь ты понимаешь, почему нас не особенно беспокоит проблема с поездом, – сказала цапля.

– Потому что вы... всё равно скоро вымрете? – спросила Кейт.

– Нет. Мы не беспокоимся потому, что на Земле нет существа более изобретательного и эффективного, чем человек. За все четыре

миллиарда лет существования жизни на этой планете человек был и остаётся наиболее успешным из всех животных. Вы превосходите нас во всём. Если ты хочешь решить проблему, ты её решишь, потому что когда человек хочет чего-то добиться, ничто не сможет ему помешать.

– Но мы же ужасные, – простионала Кейт. – Мы принесли вам столько зла!

– Да, – сказала цапля. – Так и есть. Но в отличие от всех остальных животных вы демонстрируете необычайно разнообразное поведение. Есть люди ужасные, есть неплохие. Есть и вовсе почти хорошие.

– Вы только представьте, на что способен хороший человек! – сказал кот-рыболов.

– Он способен на всё, – тихо проговорила змея. – Абсолютно на всё.

Кейт подняла голову. Они все смотрели на неё: кот-рыболов с его зелёными глазами, змея с её чёрными глазами без век. Глаза дикобраза напоминали две чёрные бусинки. Глаза у цапли были ярко-оранжевыми и идеально круглыми.

После всего, что с ними сделали люди, животные не потеряли надежды. Что бы ни происходило, животные никогда не сдаются. Потому что иначе нельзя. У них нет такой роскоши: сложить лапки и сдаться. И как только Кейт это поняла, она решила, что тоже не сложит лапки. В кабинете Грейс Хоппер висели часы, которые шли в обратную сторону – как напоминание, что всегда можно пойти вопреки всем шаблонам и сделать всё по-другому. И Кейт решила, что сделает всё, чтобы эти животные убедились, что люди бывают другими. Не только плохими.

Она их не бросит, не сбежит домой. Она доведёт их туда, куда им нужно попасть. До появления «Серебряной Стрелы», а сейчас ей казалось, что это было давным-давно, она мечтала о том, чтобы в её жизни всё было, как в книгах: чтобы мир оказался в опасности и чтобы она всех спасла.

И теперь эта мечта сбылась. Мир действительно оказался в опасности, и ей действительно надо было его спасти.

Кейт решительно поднялась на ноги.

– Я подумаю, что можно сделать.

Глава 21. Что смогла сделать Кейт

– Я не знаю, что делать, – сказала Кейт. – Просто не знаю.

Она вернулась в кабину к Тому. Почти целую минуту она себя чувствовала героиней, призванной спасти мир, но сейчас это чувство прошло. В голове не было никаких мыслей. Вообще никаких.

Том выразительно посмотрел на неё.

– Что?

– Ты могла бы спросить у меня, – сказал он.

– О чём?

– Нет ли у меня каких-то идей.

Кейт пришлось признать, что ей даже в голову не приходила такая мысль.

– Знаешь, Том, если честно, – сказала она, – если я и обращаюсь к тебе с вопросом, то исключительно в случаях, когда что-то съедено или сломано. А думать о чём-то серьёзном я предпочитаю сама.

– Но ты ничего не придумала, как я понял.

Кейт открыла рот, чтобы ответить, но тут раздалось *клац-клац* пишущего устройства «Серебряной Стрелы».

ЗНАЕШЬ ЧТО, КЕЙТ

Гм. Паровоз очень редко обращался к Кейт по имени.

– Что?

Я ПРОСТО ХОТЕЛ СКАЗАТЬ

ЧТО ИНОГДА В ЖИЗНИ
БЫВАЮТ МОМЕНТЫ,

КОГДА НАДО НЕ УМНИЧАТЬ, А ПОСЛУШАТЬ
ДРУГИХ

Том ничего не сказал. Он молча ждал, скрестив руки на груди. Кейт закатила глаза.

Но она понимала, что паровоз прав. В последнее время Кейт, занятая своими делами, почти не обращала внимания на брата. А ведь

Том был с ней в поезде с самого начала. Он тоже усердно трудился. И тоже не сдался. Он заслужил, чтобы его выслушали.

– Ладно. У тебя есть какие-то идеи?

– Да.

– Вроде той идеи, когда ты спрыгнул с гаража с мешком для мусора вместо парашюта и сломал ключицу?

– Эта идея ещё даже круче, – сказал Том.

Кейт взмахнула рукой, мол, давай. Излагай.

– Сначала скажи, что я самый лучший на свете брат и ты жутко рада, что я поехал с тобой.

Кейт нахмурилась. Вот почему самые правильные поступки всегда самые неприятные?!

– Ну хорошо. Ты самый лучший на свете брат, и я жутко рада, что ты поехал со мной.

– Ага, – сказал Том. – Пока ты сидела с животными в библиотеке, я исследовал поезд.

– Отлично. И как нам это поможет?

– Всё дело в том, – сказал Том, – что ты не заглядывала в таинственный вагон, а я заглянул.

Кейт совершенно забыла об этом вагоне.

Конечно, она его видела снаружи. С виду он был не таким уж таинственным. На самом деле это был совершенно обычный старинный вагон: деревянный, а не металлический, выкрашенный в светло-голубой цвет. Но теперь, когда Кейт присмотрелась внимательнее, она разглядела на двери значок, нарисованный выцветшей белой краской:

?

Кейт открыла дверь и заглянула внутрь. Том ждал снаружи.

– Я был прав? – спросил он.

Кейт кивнула. Неуёмная энергия брата иногда была очень кстати.

– Когда ты прав, то ты прав, – сказала она.

– Наверное, надо сказать «Серебряной Стреле».

– А может быть, и не надо. Он слишком благоразумный для таких вещей.

Они вместе вернулись в кабину.

НУ ЧТО?

– Мы отъедем назад. – Том включил задний ход.

ЗАЧЕМ?

МЫ СДАЁМСЯ?

– Мы не сдаёмся, – сказала Кейт. – Мы просто сдаём назад.

КАК ДАЛЕКО?

– Километра на полтора, – сказал Том. – Думаю, этого будет достаточно.

ДЛЯ ЧЕГО?

– Для чего надо, – сказала Кейт. – Ты нам доверяешь?

«Серебряная Стрела» долго не отвечал. Очень долго. И наконец напечатал:

да

– Ого, – сказал Том, – я и не знал, что у тебя есть такой мелкий шрифт.

МОЖЕТ БЫТЬ, ПУСТЬ КОМАНДУЕТ КЕЙТ

– Нет, он отлично придумал, – сказала Кейт. – Ты был прав. Том знал, что делать.

Я ВСЕГДА ОДОБРЯЮ ИНИЦИАТИВНЫЙ ПОДХОД,
НО

– Хорошо.

Когда они отъехали на полтора километра назад, Том остановил поезд. Потом поддал пару, и «Серебряная Стрела» вновь поехал вперёд. Всё быстрее и быстрее. Вскоре они разогнались уже всерьёз.

Том дал гудок:

как только ворвалась в библиотечный вагон, ракетные двигатели включились.

Это был знатный пинок. Да, именно пинок: словно гигантский футболист с разбегу наподдал ногой прямо по штабному вагону в конце состава. Или как будто «Серебряная Стрела» и впрямь был стрелой, которой выстрелили из лука. Кейт не удержалась на ногах, и её отбросило к задней стене библиотечного вагона.

Поезд мчался так быстро, что её буквально прижало к стене. И не только её, а вообще всё, что не было закреплено. (К счастью, мебель в вагоне была приколочена к полу, правда, это не относилось к диванным подушкам.) Борясь с перегрузкой, Кейт всё же сумела повернуть голову к окну и увидела, что мир снаружи проносится мимо с бешеной скоростью, даже быстрее, чем в тот раз, когда они мчались с горы. Весь поезд трясло и качало из-за силы ускорения. Кейт не видела ракетные двигатели, но сейчас они выпускали мощные струи сине-белого пламени, толкая поезд вперёд – всё быстрее и быстрее – к краю обрыва.

Кейт волновали лишь два вопроса: хватит ли двигателям мощности, чтобы поднять целый поезд по почти вертикальным путям? И если да, то куда ведут эти пути?

Поля снаружи исчезли: «Серебряная Стрела» уже миновал край обрыва. Теперь в окне не было ничего, кроме пустого голубого неба, а поезд всё ещё ускорялся. Вскоре он начал заваливаться назад – это рельсы под ним резко выгнулись вверх, – и он кренился всё больше и больше, и каждая клеточка в теле Кейт напряглась и буквально кричала: *Хватит! Остановись! Ради всего, что есть доброго и разумного, остановись!*

Но у ракет нет тормозов. У них нет даже кнопки ВЫКЛ. Деревянная перегородка на одной из книжных полок не выдержала давления, и книги полетели прямо на Кейт. Поезд по-прежнему поднимался, всё выше и выше, и, похоже, пробил облака, а потом Кейт почувствовала что-то странное. Происходила совсем уж сумасшедшая вещь: пути загибались петлёй – вверх и назад, как на «американских горках», – но мощные двигатели создавали такую хорошую тягу, что центробежная сила держала поезд на рельсах. Одну долгую, совершенно невероятную секунду поезд ехал колёсами вверх, и Кейт перевернуло вниз головой, и она вдруг ощутила себя невесомой, и весь

страх почему-то пропал, и она рассмеялась от головокружительного восторга.

Миновав наивысшую точку петли, поезд поехал вниз, по-прежнему очень быстро, но уже не ускоряясь. Кейт, упавшие книги и всё остальное сползли по стене обратно на пол, где им и положено было быть.

Всё тело Кейт сделалось ватным. Рёв ракетных двигателей постепенно затих. Она кое-как поднялась на ноги и шагнула к окну.

Снаружи, повсюду вокруг и под ними, были только облака. Поезд ехал прямо по небу.

– У всех всё в порядке? – прошептала Кейт.

Клац-клац.

УХ, ЭТО БЫЛО ВЕЛИКОЛЕПНО

Глава 22. Станция в небе

«Серебряная Стрела» мчался по верхушке белого облака.

Клац-клац.

ЕСЛИ ЭТО СМЕРТЬ, ТО ВСЁ НЕ ТАК УЖ И ПЛОХО

Путь вниз был долгим. Рельсы, проложенные по небу, терялись вдаль – тонкие, хрупкие и ненадёжные с виду.

Кейт гадала, что такого важного было здесь, в облаках, ради чего стоило так рисковать. Проходя по вагонам, она поймала себя на том, что старается ступать легко и осторожно, едва касаясь ногами пола, словно боится выпасть из поезда.

А потом впереди показалась станция. С виду – самая обыкновенная сельская станция с длинным узким перроном и маленькой билетной будкой, только сделанная из облаков и висевшая в небе на такой высоте, что внизу даже не видно земли.

Кейт нашла животных в вагоне-ресторане.

– Интересно, чья это остановка? – спросила она.

– Это уж точно не мой ареал обитания, – сказал дикобраз.

– И даже не мой, – сказала цапля.

– Я, кажется, знаю, – сказал кот-рыболов.

Он посмотрела на малыша панголина, который даже и не заметил безумного реактивного запуска в небо, потому что весь день крепко спал, свернувшись в плотный чешуйчатый шарик.

– Не понимаю, – нахмурилась Кейт. – Мы вообще где?

– Я не знаю, – сказала змея. – Но это точно волшебное место.

Кейт взяла панголинчика на руки. Он открыл свои чёрные, печальные, не по-детски мудрые глаза и посмотрел на неё. Он заметно подрос с того дня, когда Кейт приняла его за сосновую шишку, но всё равно почти ничего не весил. Кейт отнесла его в тамбур пассажирского вагона и открыла двери.

Она не сразу решилась выйти на станцию. Сначала ощупала платформу ногой, словно это был лёд на пруду и она проверяла, выдержит он её или нет, но перрон, сложенный из облаков, оказался вполне надёжным и плотным. Кейт осторожно вышла наружу. Мягкая

облачная платформа немного пружинила под ногами, как плотно набитая диванная подушка. Наверное, было бы весело на ней попрыгать, но у Кейт почему-то не было настроения прыгать и веселиться. Да и само это место – торжественное и немного печальное – как-то не располагало к веселью.

Том тоже вышел на станцию, а следом за ним – все животные. Их никто не встречал. Дул холодный ветер. У Кейт слегка закружилась голова, но не только от высоты. Это как-то неправильно, совершенно неправильно. Как можно взять и оставить здесь маленького панголина, прямо в небе, совсем одного?! Она уселась прямо на перрон, в тени от огромного поезда, держа панголинчика на коленях. Все остальные встали в кружок вокруг них.

Обычно на платформах стояли щиты с названиями станций. Здесь тоже стоял такой щит, только название было какое-то странное: КОГДА-НИБУДЬ.

– Что это значит? – спросила Кейт. – Когда-нибудь? Это даже не место.

– Это значит, что сейчас для него нет безопасного места на Земле, – сказал кот-рыболов. – Теперь уже нет. Пока ещё нет. Ему придётся остаться здесь, пока всё не наладится.

Кейт посмотрела на малыша панголина с его забавной, но сейчас очень грустной, растерянной мордочкой, и вправду похожей на сосновую шишку, и её слезинка упала прямо на одну из его коричневых чешуек. Он лизнул её в нос своим розовым, на удивление длинным язычком. Ей казалось немыслимым, что кому-то могло прийти в голову сделать с ним что-то плохое. Ей хотелось баюкать его на руках и защищать от всех бед.

А потом ей подумалось, что никто из людей, в общем-то, и не желал ему зла. Просто их не заботило, что с ним будет. Им не было дела до каких-то чешуйчатых малышей. Люди не думали о панголинах, люди думали лишь о себе.

Но ты будешь думать. Ты никогда их не забудешь. Кейт твёрдо решила, что, где бы она ни была, что бы ни делала, она всегда будет помнить о малыше панголине. Теперь она поняла, что надо делать. Она поцеловала панголинчика в чешуйчатую макушку и положила его на перрон.

– До свидания, – сказала она. – Я тебя люблю.

Малыш в последний раз посмотрел на неё, потом принюхался, полностью развернулся и принялся радостно вертеться по сторонам, как делал всегда.

Кейт вернулась в пассажирский вагон, где её уже ждали все остальные, и как только она вошла в поезд, облачная станция стала меняться. Она размягчалась, и таяла, и принимала новую форму: форму маленького островка для малыша панголина. Здесь он останется в безопасности до тех пор, пока на Земле не появится место, где он сможет жить, ничего не боясь.

Паровоз пыхнул паром, поезд тронулся и отъехал от станции в небо.

В мире бывают проблемы, у которых вообще нет решения. Пока ещё нет.

Глава 23. Никогда

Кейт знала, что будет дальше, и всё равно была к этому не готова.

Они ехали по небу весь день. На закате рельсы начали постепенно спускаться к земле, и уже глубокой ночью поезд приземлился где-то в горах. «Серебряная Стрела» поддал пару – он не раз повторил, что им надо поторопиться, потому что здешний сезон железнодорожного сообщения подходит к концу. До самого утра они ехали без остановок, а потом всё-таки остановились на маленькой станции с жестяной крышей, сплошь заросшей лианами. Влажный воздух пах сочной зеленью и экзотическими цветами. В такой ранний час жара ещё не грянула в полную силу, но было понятно, что день будет жарким.

Кейт стояла в тамбуре у открытых дверей. У неё за спиной раздался тихий голос мамбы:

– Моя остановка.

– Да? Где мы?

– В Мозамбике, в прибрежном лесу Восточной Африки. Тут много мамб.

Кейт присела на корточки и посмотрела прямо в тёмные, немигающие змеиные глаза. Она вспомнила, как боялась этой змеи в их первую встречу. А теперь, когда мамба вскарабкалась на неё и обернулась вокруг её шеи зелёным шарфом, Кейт ни капельки не испугалась.

На самом деле, прикосновение гибкого змеиного тела, сухого, гладкого и прохладного, было даже приятно. Мамба была очень длинной – длиной в рост самой Кейт, – но такой тонкой, что не весила почти ничего.

– Вообще-то мы, мамбы, очень застенчивые существа, – сказала змея. – Но с тобой я не робею.

– Я с тобой тоже.

– Спасибо, Кейт, что ты доставила меня сюда. Я знаю, что это было непросто.

– А как же иначе? Это самое меньшее, что я могла сделать. После всего, что... Ну, ты понимаешь.

– Не вини себя в том, что наделали люди, – мягко проговорила змея. Такого доброго голоса Кейт не слышала у неё никогда раньше. –

Тем более одно только чувство вины ничего не исправит. Люди тоже животные, и они делают то, что и все остальные животные: пытаются выжить. Просто у вас получается лучше всех, а значит, теперь вы должны позаботиться о выживании всех остальных.

Мамба бесшумно скользнула к двери, выползла на платформу, мелькнула зелёной вьющейся лентой и скрылась в зарослях леса.

Следующая остановка была на широкой, не очень глубокой молочно-бледной реке, текущей по камням.

– Мой черёд, – сказала белобрюхая цапля.

Она вышла из поезда на своих тонких, длинных ногах. Кейт по-прежнему думала, что они выглядят странно, хотя теперь она знала, что колени у цапель гнутся вперёд, как им и положено.

– Вряд ли ты часто бываешь в Бутане, – сказала цапля.

– Вообще не бываю, – ответила Кейт, которая только сегодня узнала о существовании такой страны.

– Да, из людей сюда мало кто ездит.

– Значит, это хорошее место для цапель, – сказала Кейт.

– Вот именно.

– Я сделаю всё, что смогу, чтобы люди не разрушили всё окончательно. Честное слово, я буду стараться.

Цапля серьёзно кивнула.

– Я знаю. – Она легонько притронулась кончиком крыла к руке Кейт. – Для нас, наверное, уже слишком поздно. Последние белобрюхие цапли, видимо, вымрут ещё при твоей жизни. Мы были красивыми, мы никому не делали зла, но этого мало. Дай мне слово, что ты не сдашься. Препрежнее равновесие в мире нарушено непоправимо, его уже не вернёшь. Но ещё не поздно найти новое равновесие.

Цапля расправила крылья, перелетела с платформы на плывущее по реке старое бревно и принялась высматривать рыбу в реке.

Когда цапля скрылась из виду, Кейт вернулась в библиотечный вагон. Теперь там остались только дикобраз и кот-рыболов. И даже когда пришёл Том, библиотека всё равно казалась пустой.

Кейт присела на диван, и впервые за всё время поездки к ней на колени улёгся кот-рыболов. Он был слишком крупным и не помещался у неё на коленях, но он лёг поперёк, как большая собака, свесив голову и передние лапы с одной стороны, а задние лапы – с другой.

– Я тут подумал... не будешь ли ты возражать, – сказал кот, – если я попрошу почесать меня за ухом?

– А я как раз думала, не будешь ли *ты* возражать, если я почешу тебя за ухом?

Кейт ласково почесала кота.

– Ммммммм, как приятно. Я, конечно, могу почесаться и сам, задней лапой. Но пальцами лучше.

Он заурчал – не так, как домашняя кошка, а очень громко, раскатисто, гулко. Раньше он никогда не урчал.

– Я не знала, что ты умеешь урчать, – сказала Кейт.

– Есть два вида кошек: рычащие и урчащие. Кто умеет рычать, не умеет урчать. Кто умеет урчать, не умеет рычать. Львы рычат. Тигры тоже рычат. А мы, коты-рыболовы, относимся к урчащим кошкам.

Кейт была рада, что коты-рыболовы умеют урчать.

Вскоре – как-то уж *слишком* скоро – поезд снова замедлил ход. Кейт знала этих животных всего лишь несколько недель, но за эти недели она сблизилась с ними настолько, что они стали почти родными. И теперь им приходится расставаться. Скорее всего, навсегда. Кейт уткнулась лицом в мягкий мех на шее кота-рыболова и тут же отпрянула, чтобы не намочить его слезами.

С другой стороны, как же здорово, что ей довелось познакомиться с этими замечательными животными! Она никогда их не забудет. Когда поезд остановился, кот легко спрыгнул на пол с колен Кейт. Кейт тоже встала, и они вместе с котом пошли в тамбур пассажирского вагона.

Станция располагалась в густом заболоченном лесу с удивительными деревьями, возвышавшимися над водой на длинных крепких корнях, словно на сваях. Деревьев было так много и они росли так близко друг к другу, что их корни и ветви переплетались, и было не разобрать, где кончается одно дерево и начинается другое. В воздухе пахло морем.

Сама станция была полностью деревянной, с лохматой соломенной крышей.

– Где мы? – спросила Кейт.

– В мангровом лесу, – сказал кот-рыболов.

– Как же эти деревья растут прямо в море?

– Мангровые деревья могут расти даже в солёной воде, – сказал кот. – Никакие другие деревья на это не способны.

Пошёл дождь. Мелкий и тёплый дождик, который, кажется, совершенно не беспокоил кота.

– Мы, наверное, больше уже никогда не увидимся, – сказала Кейт.

– Да, наверное.

– Мне так грустно, что хочется плакать. Разве животным совсем не бывает грустно?

– Конечно, бывает, – сказал кот. – Но мы стараемся не думать о грустном. Животные никогда не задумываются о том, как всё могло бы сложиться и как всё должно быть. Мы думаем только о том, что есть прямо сейчас.

– Я постараюсь это запомнить. – Кейт наклонилась и поцеловала кота-рыболова в макушку. – И я никогда не забуду тебя.

– Я тоже тебя никогда не забуду, Кейт. И хочу сказать тебе одну вещь, просто чтобы ты знала... на всякий случай... если вдруг твои родители слишком заняты своими делами и не говорят тебе этого каждый день: ты совершенно особенный человек, Кейт. Ты сильная, смелая, умная, добрая, и ты нужна миру.

Кейт уже не смогла сдержать слёз. Именно эти слова она мечтала услышать всю жизнь. Если бы их сказал кто-то другой, она, может быть, и не поверила бы, но коту-рыболову поверила сразу. Она знала, что ему можно верить.

– Спасибо, – прошептала она.

– Не за что. О... лягушка!

Кот спрыгнул с платформы и исчез под водой.

С тех пор и уже на всю жизнь, каждый раз, когда Кейт было грустно – а ей нередко бывало грустно, ведь даже взрослые временами грустят, – она вспоминала, что где-то в мире есть мангровое болото, где живёт кот-рыболов, который помнит о ней.

И это немало, на самом деле. Очень даже немало.

За всеми волнениями последних дней Кейт почти забыла о белой медведице, но та всё ещё ехала с ними, в багажном вагоне. Тем же вечером, уже почти ночью, она вышла на станции посреди белых просторов Арктики, на краю паковых льдов. Кейт ещё никогда не приходилось бывать на таком жутком морозе. Когда открылись двери тамбура, студёный ветер швырнул ей в лицо горсть колючего снега, и Кейт пришлось отвернуться, прикрывая глаза рукой. Но она всё же успела увидеть табличку с названием станции: СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС.

Белая медведица помедлила в тамбуре, прежде чем выйти наружу, в темноту и метель. За всё время, пока медведица ехала в поезде, она не проронила ни слова, но сейчас ткнулась большим чёрным носом Кейт в ухо и произнесла свои первые и последние слова, которые от неё слышала Кейт. У неё был глубокий, раскатистый голос.

– Если вы, люди, дадите нам умереть, вы никогда себе этого не простите.

Глава 24. Путь домой

Кейт, Том и дикобраз уселись поближе к топке в кабине.

– Ну ладно, – сказала Кейт. – Куда теперь?

Клац-клац.

ДОМОЙ

Ой.

– А как же ты? – спросил Том. Он имел в виду дикобраза.

– За меня не беспокойтесь. – В кои-то веки в голосе дикобраза не было ворчливых ноток. – Я доберусь куда нужно.

Клац-клац.

НАДО ПОТОРОПИТЬСЯ

МЫ И ТАК ИДЁМ С ОПОЗДАНИЕМ

Когда Кейт читала книги о детях, отправившихся в волшебное путешествие, она не верила, что в конце им хотелось домой. Но теперь она вдруг поняла, что ужасно соскучилась по маме и папе и что ей действительно хочется вернуться домой, где всё знакомо, и пол не качается под ногами, и опасности не подстерегают на каждом шагу – пусть даже там будет немножко скучно. Поезд мчался мимо сверкающих ледников, и заснеженных полей, и скалистых утёсов, и Кейт радовалась и гордилась, что они с Томом сделали столько всего полезного. Но на сердце давила печаль, тяжёлая, как чугунная гиря. Из-за животных, которых она никогда не увидит. Из-за малыша панголина, для которого на всей Земле не нашлось безопасного места. Из-за котарыболова, и цапли, и белой медведицы, и всех остальных животных, которые просто пытаются выжить в мире, где непоправимо нарушено природное равновесие.

Том сидел рядом с ней на другой стороне кабины. Он тоже выглядел очень усталым и грустным. Дядя Герберт был прав: мир интереснее, чем кажется. Но ещё и гораздо сложнее.

С серого неба падал лёгкий снежок, сразу таявший на окнах кабины. Теперь поезд ехал по густому сосновому лесу. Уже вечерело, и в сумерках снег казался голубоватым. Кейт всегда любила снег: он ассоциировался с весельем, и катанием на санках с горы, и тёплым домом, и горячим шоколадом, и долгими зимними каникулами. Кейт поужинала в одиночестве в вагоне-ресторане, немного почитала книжку и легла спать. Ей с грустью подумалось, что, может быть, это будет её последняя ночь в уютном спальном вагоне «Серебряной Стрелы».

Она долго не могла заснуть. Ей вдруг стало любопытно, а как поезд выглядит сверху, с высоты птичьего полёта, когда решительно мчится вперёд, сквозь заснеженный ночной лес, и луч его головного прожектора пробивает темноту. Если сейчас паровоз даст гудок, то, наверное, он будет звучать не победно и громко, а печально и чуть одиноко, как голос человека, возвращающегося из дальних странствий – он прошёл долгий путь, но до дома ещё далеко.

На следующий день снегопад усилился, поднялся сильный ветер. Началась настоящая снежная буря. «Серебряная Стрела» мчался сквозь воющую метель, пробивая дорогу сквозь ветер, от его предохранительной решётки в обе стороны летели фонтаны снега. Кейт с Томом растопили печку в библиотеке и закутались в пледы. Дикобраз уселся в своё любимое кресло – теперь настолько истыканное иголками, что на него было страшно смотреть, – и принялся рассказывать ребятам о своих героических схватках с пумами и куницами-рыболовами, единственными животными, которые не боятся нападать на дикобразов.

(Куницы-рыболовы, объяснил дикобраз, совсем не похожи на котов-рыболовов. Коты это коты, а куницы это куницы, хотя рыболовы гораздо крупнее и значительно свирепее обычных куниц. Кстати, рыбу они не едят! Это к вопросу о глупых названиях, придуманных человеком.)

Кейт сходил в кабину, посмотреть, как дела у «Серебряной Стрелы». Солнце уже садилось, и поезд ехал по замёрзшему озеру. Рельсы шли прямо по льду.

МНЕ ЧТО-ТО ТРЕВОЖНО

– Мне тоже. – Кейт взглядела в заснеженные сумерки за окном. – Интересно, крепкий ли лёд?

Я НЕ ЗНАЮ

ЗИМА БЫЛА ТЁПЛОЙ,
И ОНА УЖЕ НА ИСХОДЕ

– Лучше бы ему быть покрепче.

ТЫ НАМЕКАЕШЬ НА МОЙ ИЗБЫТОЧНЫЙ ВЕС?

ИЗВИНИ

Я ВСЕГДА НЕУДАЧНО ШУЧУ, КОГДА НЕРВНИЧАЮ

Кейт немного прибавила скорости – насколько осмелилась. Чем быстрее они проедут участок льда, тем лучше. По замёрзшему озеру под завывания ветра змеилась позёмка.

Раздался громкий треск. Поезд дёрнулся, покачнулся, на секунду замедлил ход – а потом снова помчался вперёд.

– Что это было?!

ЛЁД ЛОМАЕТСЯ

Ой, нет.

– Это нехорошо.

Кейт ещё прибавила скорости, но через минуту поезд дёрнулся снова, на этот раз ощутимо сильнее.

КАЖЕТСЯ, МЫ ПОТЕРЯЛИ ШТАБНОЙ ВАГОН!

Уже было понятно, что лёд долго их не удержит. Кейт помчалась обратно в библиотечный вагон. В коридоре она чуть не столкнулась с Томом и дикобразом, бежавшими ей навстречу.

– Лёд ломается! – крикнула Кейт. – Мы теряем вагоны!

– Мы уже поняли! – крикнул в ответ Том.

Снова раздался треск. На этот раз поезд резко остановился, и никто не устоял на ногах. Кейт больно ударилась локтем об пол и подумала, что теперь у неё наверняка будет синяк. От напряжения весь поезд ходил ходуном: это «Серебряная Стрела» пытался запустить

заглохший двигатель. Но тяжесть вагонов не давала локомотиву сдвинуться с места.

– Давай! – крикнул Том.

Обгоняя друг друга, они помчались в кабину.

Я ЗАСТРЯЛ!!!

– Давай! – крикнул Том. – Поднажми!

– Постарайся! – сказала Кейт.

– Ты сможешь! – сказал дикобраз. – Наверное.

Откуда-то сзади донеслись треск и грохот, «Серебряная Стрела» тяжело сдвинулся с места и с натужным пыхтением поехал дальше. Кейт высунулась в окно и посмотрела назад: может быть, из-за снега и темноты, но ей показалось, что от всего поезда остались только тендер и два пассажирских вагона. Всех остальных просто не было.

Куда они подевались? Библиотечный вагон? Её любимый спальный вагон? Конфетный вагон? Там оставалось ещё столько конфет, которые Кейт не успела попробовать! И огромная банка тройного молочного драже в шоколаде – вроде обычного молочного драже, но покрытого сразу тремя разными шоколадами: молочным, тёмным и белым. И теперь Кейт уже никогда его не попробует!

У них и раньше случались трудности на пути, когда казалось, что выхода нет, но Кейт вдруг пришло в голову – как в ту, самую первую ночь, когда они сорвались с вершины холма в лесу за их домом, – что, может быть, у этой истории не предусмотрен счастливый конец. Они проделали долгий путь, они многое преодолели, но, может быть, им не суждено вернуться домой. Может быть, всё закончится здесь и сейчас.

Раздался треск, оглушительный, как удар грома, и лёд разломился прямо под ними. «Серебряная Стрела» рухнул в ледяную чёрную воду. Гейзер пара буквально взорвался вокруг котла.

– Нет! – крикнула Кейт.

– Нет! – крикнул Том.

– Нет! – крикнул дикобраз.

Клац-клац.

БЕДА!

Глава 25. Депо

«Серебряная Стрела» весил 102,36 тонны. Он не поплыл по воде. Он пошёл ко дну сразу – причём очень быстро. Вокруг паровоза кипела озёрная вода, нагретая жаром котла.

При всей панике, охватившей Кейт с Томом, им хватило присутствия духа, чтобы как можно скорее закрыть окна и дверь в задней части кабины. *Так мы продлим себе жизнь на целых две минуты*, подумала Кейт.

– Ты умеешь плавать? – спросила она.

– Да, – сказал Том.

– Ты умеешь, я знаю. Я спрашивала у дикобраза!

– Определённо умею, – с гордостью проговорил дикобраз. – У меня полые иглы, они держат меня на воде!

– Хорошо. Буду знать.

Я НЕ УМЕЮ

ЕСЛИ ВАМ ВДРУГ ИНТЕРЕСНО

– Я уже догадалась.

Кейт смотрела в окно, за которым стремительно поднималась тёмная стена воды. От ощущения быстрого погружения её немного подташнивало. И вот воды чёрного озера уже сомкнулись над ними, и заснеженный вечер исчез. Какая здесь глубина? Кейт читала, что какое-то время человек может выжить в ледяной воде. Она не смогла вспомнить, сколько именно времени, но явно недолго. Даже если они выберутся из кабины, они окажутся на непонятно какой глубине в замёрзшем озере, и им ещё надо выплыть и добраться до берега, где всё равно будет негде согреться. Они точно замёрзнут до смерти.

Может быть, лучше скорее утонуть, и пусть всё закончится. Тонкие струйки воды пробивались в кабину сквозь щели вокруг дверей: «Серебряная Стрела» не был водонепроницаемым. Его строили для других целей.

– Том, – сказала Кейт, – может, сейчас именно тот момент, когда я не знаю, что делать, а ты как раз знаешь?

– Нет!

Они уже полностью погрузились под воду. Кейт вспомнила, как они въехали в океан и вода расступилась изумрудным тоннелем, и это было так изумительно и красиво. Но сейчас всё иначе. Здесь только тьма, холод и обречённость.

Даже если им суждено умереть, Кейт знала, что всё было не зря. Они с Томом выполнили задание, сделали всё, что должны были сделать, и это по-настоящему важно. Хотя лучше бы цена оказалась не так высока.

Вода, лившаяся в кабину, была настолько холодной, что у Кейт сразу же онемели промокшие ноги. Её бил озноб. Паровоз беззвучно опустился на дно. Вода была чёрной как смоль. Кейт совершенно не представляла, на какой они глубине. Сейчас она очень жалела, что не осталась деревом в туманном лесу – навсегда.

На миг мелькнула надежда, что, может быть, паровоз сможет проехать и под водой. Может быть, они проедут по дну и выберутся на сушу. Но здесь было так холодно, что вряд ли получится набрать достаточно пара, чтобы создать необходимое давление. И здесь не было рельсов. Кейт вдруг поняла, что уже никогда не увидит родителей, и по щекам потекли горькие горячие слёзы. Кейт взяла Тома за руку, а свободной рукой сжала когтистую лапку дикобраза.

– Том. – От страха и холода у неё перехватывало дыхание. – Я действительно очень рада, что ты поехал со мной. Хотя лучше бы всё-таки не поехал, если учесть, что случилось. С-с-сейчас я открою дверь. – У Кейт стучали зубы. Том смотрел на неё. Его лицо было белым, а губы синими. – Мы все сделаем г-глубокий вдох и попытаемся выплыть. Плывём прямо вверх. Нам надо выбраться через дыру, пробитую п-поездом во льду.

Наверное, надо было сказать что-то ещё, но она так замёрзла и ей было так страшно, что ничего больше в голову не приходило. Ничего, кроме одного:

– Прощай, «Серебряная Стрела». Мы тебя любим.

Клац-клац.

ПРОЩАЙТЕ

Я ЛЮБЛЮ

В это мгновение вода, наполнявшая кабину, хлынула в топку. Огонь зашипел и погас.

Свет тоже погас, и в ледяной темноте Кейт расплакалась ещё сильнее. Она плакала не о себе, а о «Серебряной Стреле», который навечно останется здесь, на дне тёмного холодного озера в какой-то дремучей глуши, и только холодные немые рыбы составят ему компанию. Дядя Герберт предупреждал, что им с Томом надо следить, чтобы огонь в топке никогда не погас. И «Серебряная Стрела» тоже просил, чтобы они этого не допустили. Это единственное, чего он боится. И они ему пообещали, что огонь не погаснет. Но теперь топка стала такой же мёртвой и тёмной, какой была, когда Кейт увидела её впервые. Даже страшно представить, что чувствует паровоз, когда ледяная вода заливает его металлический мозг и вымывает все мысли. Что теперь станет с «Серебряной Стрелой»? Он уснёт и будет видеть сны? Или просто провалится в небытие, где нет вообще ничего?

Преодолевая дрожь, сотрясавшую всё её тело, Кейт заставила свои онемевшие пальцы сомкнуться на дверной ручке и приготовилась открыть дверь.

Но тут паровоз дёрнулся и ушёл ещё дальше вглубь. Он опускался в придонный ил! Если раньше у Кейт ещё были какие-то надежды, то теперь её разум буквально оцепенел от паники. Если есть что-то хуже, чем утонуть в ледяном озере, то, наверное, только одно: оказаться заживо погребённым в вязком холодном иле на дне этого самого озера. Кейт в отчаянии стукнула кулаком по стене, но она больше не чувствовала своих пальцев...

А дальше случилось уже совсем странное: они начали падать.

Она почувствовала, как паровоз проломил толщу придонного ила и рухнул вниз. На секунду Кейт сделалась невесомой, в животе всё оборвалось. А затем с оглушительным грохотом – словно тысячу пианино сбросили с высоты миллионного этажа – «Серебряная Стрела» приземлился на что-то твёрдое.

Все застыли, боясь пошевелиться. Постепенно до Кейт начало доходить, что вода больше не прибывает в кабину. На самом деле она убывала.

– Ч-что это было? – выдавил Том. – Ч-что происходит?

– Н-не знаю.

Где-то на краешке сознания забрезжила робкая, осторожная мысль, что, может быть, они всё-таки не умрут. Кейт медленно открыла окно и выглянула наружу.

Они находились не под водой и не среди ила. Они находились в огромном подземном зале идеально круглой формы, освещённом оранжевым пламенем, ревущим в гигантском камине. В помещении было тепло, даже жарко.

– Там огонь! – Том протиснулся мимо Кейт и выскочил из кабины.

На полу всё ещё трепыхалась серебристая рыбка из озера. Дикобраз задумчиво посмотрел на неё, поднял и съел.

Животные, подумала Кейт.

У камина, спиной к огню, стоял человек и наблюдал за ребятами. Кейт не видела его лица, но и так было понятно, кто это такой.

– Идите сюда, – сказал дядя Герберт. – Вам надо согреться. Вы, наверное, страшно замёрзли.

Том уже встал у камина, и дядя Герберт набросил ему на плечи тёплое одеяло. Кейт подошла и тоже взяла одеяло. Затем вернулась в кабину, закутала в одеяло дрожащего дикобраза, подхватила его на руки и отнесла в тепло. И только потом закуталась в одеяло сама и встала поближе к камину.

Судя по ощущениям, они находились глубоко-глубоко под землёй.

– Я представляю, как вам было страшно, – сказал дядя Герберт. – Мне очень жаль, что всё так получилось. Но ты замечательно справилась, Кейт. Я тобой горжусь.

Кейт тупо смотрела на пламя, её по-прежнему бил озноб. Она совсем не гордилась собой. Если она что-то и чувствовала, то лишь облегчение, усталость и грусть.

– Я не уберегла поезд, – сказала она. – Потеряла вагоны и вообще всё. И огонь в топке погас.

– Свою задачу ты выполнила. Твоя задача состояла не в том, чтобы привезти поезд домой, а в том, чтобы стараться изо всех сил и никогда не сдаваться. И у тебя получилось. Вот что самое важное.

– Взрослые всегда так говорят.

– Иногда взрослые говорят правду. Да, мы говорим много неправды, и отличить одно от другого бывает непросто, но сейчас я сказал правду. Это действительно самое важное. Поезда есть всегда. Найти хороших кондукторов гораздо сложнее.

– Но огонь же погас. – По щекам Кейт потекли горькие слёзы стыда. – Мне надо было следить, чтобы он не погас!

– Всё хорошо, Кейт. Смотри.

Дядя Герберт взял её за плечи и развернул лицом к «Серебряной Стреле». Бригада механиков, возникшая словно из ниоткуда, уже приступила к работе. Они поливали паровоз из шлангов, смывая озёрный ил, драили щётками и насухо вытирали его полотенцами. Под паровозом виднелась длинная узкая яма, и в ней тоже были рабочие, которые чистили его снизу.

– С ним всё будет в порядке?

– Будет как новенький, – сказал дядя Герберт.

Кейт пришлось поверить ему на слово.

– А где мы?

– В Депо. – Дядя Герберт гордо обвёл помещение широким жестом. – Здесь ремонтируют поезда.

Только теперь Кейт разглядела, что камин, у которого они грелись, это никакой не камин, а огромная печь вроде кузнечного горна.

– О нём хорошо позаботятся. И о вас тоже. – Дядя Герберт приобнял Кейт с Томом за плечи. – Вот за той дверью... – он кивком указал на не приметную дверцу сбоку от печи, – ...есть всё, что вам нужно. Горячий душ, и еда, и чистая сухая одежда. Вы пока отдыхайте, приходите в себя, а потом уже поговорим.

Глава 26. Это только начало

В крошечной подземной душевой кабинке Кейт приняла самый долгий и самый горячий в своей жизни душ. Казалось, прошёл не один час, пока обжигающе горячие струи воды не растопили студёный холод, сковавший всё её тело, и не прогрели её насквозь. Потом она насухо вытерлась мягким большим полотенцем и оделась.

Кейт давно потеряла счёт времени и совершенно не представляла, который час, но в маленькой комнатке, примыкавшей к душевой, стол был накрыт к завтраку: огромная стопка оладий и гренки со сливочным маслом и кленовым сиропом. О чём ещё можно мечтать?! Кейт уселась за стол, и принялась за еду, и остановилась только тогда, когда поняла, что в неё больше не влезет ни кусочка.

После плотного завтрака она опять пошла в душ, чтобы ещё немного погреться. К тому же ей надо было смыть весь сироп, в котором она перепачкалась по уши.

Когда они с Томом вернулись в Депо, рабочие уже закончили мыть «Серебряную Стрелу» и теперь полировали его медные детали и меняли гигантскую лампу в прожекторе. Паровоз и вправду выглядел как новый. В котёл залили воду, тендер загрузили углём.

– Ты не окажешь нам честь? – Дядя Герберт вручил Кейт огромную спичку длиной сантиметров в тридцать.

Кейт сразу же поняла, что он имеет в виду.

В печке в кабине «Серебряной Стрелы» уже лежала растопка: мятые газетные листы, тонкие щепки и деревяшки потолще. Кейт чиркнула спичкой, поднесла огонёк к уголку ближайшего газетного листа и стала смотреть, как разгорается пламя. Когда огонь разгорелся как следует, Кейт с Томом взяли лопатки и подкинули в топку угля. Кейт наблюдала за движением стрелки на шкале манометра – давление пара росло.

Всё было привычно, всё было знакомо; Кейт всё это проделывала не раз. Но она всё равно чего-то ждала...

Клац-клац.

ПРИВЕТ

Кейт улыбнулась сквозь слёзы.

– Привет.

Она не знала, как можно обнять паровоз, но ей очень-очень хотелось его обнять.

Я ВЕРНУЛСЯ

– У тебя всё хорошо?

ВСЁ ЗАМЕЧАТЕЛЬНО

– Я рада.

ПОГОДИТЕ

А ЧТО СЛУЧИЛОСЬ?!

Кейт постаралась как можно подробнее рассказать ему о дяде Герберте и о Депо, но всё это время у неё в голове вихрем вертелись две мысли: *Он и вправду вернулся. С ним действительно всё хорошо.* Кейт казалось, что она тоже вернулась к жизни. Она себя чувствовала отдохнувшей, и бодрой, и полной сил.

Когда двигатель разогрелся, а из труб повалил белый пар, дверь распахнулась, и в кабину забрался дядя Герберт. Он огляделся по сторонам, и на мгновение его лицо стало грустным. Словно он вспомнил о чём-то печальном.

Он повернулся к ребятам:

– Я тут подумал... вы не подбросите меня до машины?

Раздался громкий скрежет, и паровоз повернулся на месте всем корпусом. Кейт выглянула в окно и увидела, что «Серебряная Стрела» стоит на огромной круглой платформе, похожей на грампластинку, вращающуюся на проигрывателе. Когда платформа остановилась, паровоз оказался направленным прямо на сводчатый въезд в тёмный тоннель.

Том включил головной прожектор и отпустил тормоз. Кейт картинно сдвинула реверсивный рычаг до упора вперёд и прибавила давление пара. Она не смогла удержаться, чтобы не покрасоваться своими умениями. Паровоз тронулся с места.

– Да что тут такого уж сложного? – Кейт даже смутилась от похвалы. – В смысле, гораздо труднее пробежать марафон или... я даже не знаю... написать симфонию.

– Так в том-то и дело, что пробежать марафон и написать симфонию невозможно без этих качеств, о которых я сейчас говорил, Кейт. Всякий, кто смог совершить что-то по-настоящему значимое и важное, добился поставленной цели именно потому, что не сдался и верил в себя. И если вы сохраните в себе эти качества, вы тоже добьётесь впечатляющих результатов, чем бы вы ни занимались. Вы сами будете удивляться, *на что* вы способны.

– Откуда вы знаете? – спросил Том. – Мама всегда говорит, что вы самый ленивый человек на свете.

– Но это не значит, что я не знаю, о чём говорю. – Дядя Герберт на секунду умолк, и его лицо снова сделалось грустным. – Хотя да, больше в теории, чем на практике. Когда-то я тоже был кондуктором в волшебном поезде. Но из меня получился не очень хороший кондуктор.

Он снял свою фуражку и показал ребятам. Прямо над козырьком был вышита надпись, маленькими аккуратными буквами: «Вечерняя Звезда».

– Значит, это был ваш паровоз, – тихо проговорила Кейт. – Мы его нашли. Он всё ещё там.

Дядя Герберт кивнул.

– Мы с вашей мамой вместе были кондукторами, давным-давно. Но мы не такие, как вы. Нам не хватило решимости. Когда возникли серьёзные трудности, мы сдались и вернулись домой. – Дядя Герберт устался себе под ноги. – Ваша мама не помнит... почти не помнит. Для неё это как сон. Но мне кажется, что именно из-за того, что случилось на рейсе, ей теперь трудно со мной общаться. И вы, наверное, заметили, что она недолгоблывает поезда. А я так и не смог позабыть. Мне хотелось хоть как-то участвовать в волшебстве с поездами. Так что теперь я помогаю творить, так сказать, вспомогательные чудеса. А паровозы пусть водят настоящие мастера.

Через полчаса они подъехали к крутому холму, с которого так пугающе сорвались в самом начале волшебного приключения, проехали через знакомый лес рядом с их домом, и Том остановил «Серебряную Стрелу» на их собственном заднем дворе. Точно на том же месте, где

паровоз стоял раньше, только теперь он «смотрел» в противоположную сторону.

На заднем дворе появилось кое-что новенькое: высокий фонарный столб, на котором висели подсвеченные часы с циферблатом и стрелками. Точно такие же часы ребята видели на многих станциях по маршруту «Серебряной Стрелы».

– Теперь слушайте очень внимательно, – сказал дядя Герберт. – Вот как всё происходит: вы провели в поезде много дней, а дома прошло всего две-три минуты. Если сумеете незаметно прокрасться обратно в дом, ваши родители даже и не узнают, что вы выходили на улицу.

– Да? – удивилась Кейт. – Но... как-то всё совсем странно. А поездка и вправду была? Мне *уже* начинает казаться, что это сон.

– Никакой это не сон. На, держи. – Дядя Герберт протянул Кейт футляр с очками Грейс Хоппер. Потом обернулся к Тому и торжественно вручил ему Лисика Джонса. – Это самая что ни на есть реальная реальность, реальнее не бывает.

Просто чтобы убедиться наверняка, Кейт потрогала локоть, который ударила, когда упала как раз перед тем, как «Серебряная Стрела» провалился под лёд. И даже оттянула рукав, чтобы посмотреть. Да: синяк никуда не делся.

Они выбрались из кабины. Если дядя Герберт сказал правду, значит, её день рождения ещё не закончился, подумала Кейт. Как оказалось, не самый худший из всех дней рождения, а, наоборот, самый лучший. И уж точно самый долгий.

Кейт опустилась на колени рядом с дикобразом.

– Извини, – сказала она. – Мы тебя не довезли. Куда тебе надо было попасть?

Дикобраз критически огляделся по сторонам.

– Здесь вроде тоже неплохо. Лес вполне подходящий. Я, в общем-то, непривередливый.

– Ещё какой привередливый! – воскликнула Кейт. – Самый привередливый привереда из всех, которых я знаю!

Дикобраз на секунду задумался.

– Может, и так. В чём я действительно привередлив, так это в выборе друзей.

Он пообещал навещать их почаще и неторопливо утопал прочь.

– Даже не верится, что всё закончилось, – сказала Кейт.

Дядя Герберт посмотрел на неё странным взглядом.

– В каком смысле закончилось?

– Ну... эта поездка. Наше приключение. Оно закончилось.

– Кейт, приключение никогда не кончается! Послушай меня. – Он положил руки ей на плечи и посмотрел ей в глаза. – Даже когда сидишь дома, даже когда ты стоишь на месте и никуда не идёшь, ты всё равно путешествуешь во времени. С каждой проходящей секундой ты продвигаешься на секунду вперёд, в своё будущее. С каждой секундой ты переносишься куда-то туда, где ещё никогда не была. Приключение не кончается *никогда!*

Кейт, кажется, поняла.

– Спасибо, дядя Герберт. Мне действительно стало легче.

– Хорошо. – Он выпрямился и расправил плечи. – Но приключение не закончилось и в прямом смысле слова. Вы выходите в следующий рейс на «Серебряной Стреле» ровно через три недели.

– Мы... мы выходим...

– Теперь, когда вы завершили свой первый рейс, – сказал дядя Герберт, – вы официально вступаете в должность кондукторов на Большой секретной межконтинентальной железной дороге.

Он запустил руку во внутренний карман своего ярко-жёлтого пиджака и достал два плотных листа бумаги очень важного и официального вида, с многочисленными печатями и подписями. Один лист он вручил Кейт, второй – Тому.

– Это приказы о вашем назначении, а вот ваши значки.

Он приколот значки с изображением серебряного паровоза на лацканы их кондукторских пиджаков.

– А вот расписание. – Он передал Кейт целый ворох бумаг. – Расписание плотное, дел будет много. Как я уже говорил, мир остро нуждается в хороших кондукторах, а вас не так много.

Его жёлтая «Тесла» стояла на подъездной дорожке. Дядя Герберт серьёзно пожал руки ребятам, уселся в машину и опустил стекло у водительского сиденья.

– Вы пока отдыхайте, – сказал он. – У Тома скоро день рождения, и я думаю подарить ему подводную лодку.

Дядя Герберт уехал, и Кейт с Томом смотрели ему вслед, пока красные задние фары его машины не исчезли из виду.

Потом ребята тихонько вернулись в дом, в свой родной, тихий и тёплый дом, полный знакомых запахов и звуков. Кейт вошла к себе в комнату. Все её вещи были на месте, здесь вообще ничего не изменилось. Приключение – это прекрасно, но, как выяснилось, возвращение домой – это тоже неплохо. Очень даже неплохо.

Кейт встала посреди комнаты и сделала глубокий неровный вдох. Мысли вихрем неслись в голове. Внутри нарастало волнение, мешавшее думать. В мире есть столько хороших и добрых дел, которые надо сделать, и она постарается сделать как можно больше. Она знала, что это будет непросто и нелегко, но ей не терпелось скорее начать.

Кейт едва успела переодеться из кондукторской формы в обычную одежду, как в коридоре за дверью послышались шаги.

Это была её мама. Наверное, пришла сказать Кейт, что пора прекращать дуться и что праздничный ужин уже готов и надо садиться за стол. Кейт посмотрела в окно на большой паровоз, который застыл тёмной глыбой под лунным светом и терпеливо ждал, когда придёт время снова умчать её к новым и удивительным приключениям.

Как на прощание сказала ей цапля: «Прежнее равновесие нарушено непоправимо, но ещё не поздно найти новое равновесие».

Об авторе

Лев Гроссман написал пять романов, в том числе трилогию «Волшебники», которая возглавила список бестселлеров по версии газеты «New York Times», была переведена на тридцать языков и легла в основу одноимённого телесериала. Гроссман не только известный писатель, но также литературный критик и журналист, 15 лет проработавший в журнале «Time», где он пишет о книгах и о новых компьютерных технологиях. Он живёт в Нью-Йорке с женой и тремя детьми.